

АСЯ ПЕТРОВА

Тягущина
ИЗМЕН

Ася Петрова

Паутина измен

<https://litres.ru/74213419>

Аннотация

— Ева, — Марина резко хватает меня за руку, округляя глаза, — Не смотри назад. Ну, конечно, когда о таком просят, ты всегда смотришь. Как не смотреть то?... А там... черт! Не может быть. Мой Андрей с другой. В обнимку. Сжимаю в руке снимок УЗИ нашего будущего малыша не в силах отвести взгляд. — Ты же узнала ее? Это она? — ошарашено шепчет подруга. Она... И ее язык во рту моего мужа. #оченьэмоционально #изменамужа #беременнаягероиня #властныйгерой

ХЭ быть! Буду рада и благодарна вашим библиотекам и лайкам!) Приятного чтения!)

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	10
Глава 3.	15
Глава 4.	20
Глава 5.	26
Глава 6.	31
Глава 7.	37
Глава 8.	42
Глава 9.	47
Глава 10.	52
Глава 11.	57
Глава 12.	63
Глава 13.	68
Глава 14.	73
Глава 15.	79
Глава 16.	84
Глава 17.	90
Глава 18.	101
Глава 19.	110
Глава 20.	117
Глава 21.	124
Глава 22.	131
Глава 23.	139

Глава 1.

Я бегу по торговому центру, стуча каблуками по кафельному покрытию. Опаздываю к подруге на встречу, испытывая жуткое чувство стыда. Я очень не люблю опаздывать — для меня это дикий стресс. Хотя причина уважительная.

Прячу глупую счастливую улыбку на лице, прикладывая руку к груди, где от волнения в бешеном ритме заходится сердце. Не могу просто поверить в происходящее. Столько неудачных попыток, столько пролитых слез.

— Дорогая, привет! — целую Марину в щеку, оставляя небольшой отпечаток персиковой помады на белой коже. Вытираю пальцем липкий след, выравнивая дыхание, — Прости, что опоздала.

— Ты куда или от кого так бежала? — подруга усмехается, наблюдая за моими попытками привести себя в чувство, — Я тебе твой любимый ройбуш с мелиссой заказала. И торт. Для хорошего настроения.

Маринка очень заботливая подруга. Порой мне кажется, она мне как старшая сестра. Всегда советом поможет, приласкает, утешит. Замечательная. Но и без нотаций не обходится, тем более она действительно старше меня, пускай и на три года, но мы очень разные.

Я наивная, доверчивая, открытая миру. Меня всю жизнь воспитывали в тепличных условиях, в целом, я и проблем то

не знала. Все ровно и гладко. Бывали, конечно, плохие дни, но чтобы совсем ужасно — никогда.

Марина же далеко не аленький цветочек, она пробивная. Всего сама добилась, в шестнадцать лет осталась сиротой. Не знаю, но почему-то еще тогда на первом курсе, мое сердце и душа выбрали ее. Немного дикую, грубоватую, но внутри ранимую девчонку. Она поздно поступила в универ, была белой вороной из-за возраста и отсутствия общих интересов с одногруппниками. А мне было с ней интересно и увлекательно. И теперь она моя самая лучшая на свете подруга.

Начинаю копошиться в сумочке в поисках очень важной информации, а у самой руки трясутся. Маринка первая, кто узнает о важном событии в моей жизни. В нашей с Андреем жизни.

— Смотри! — кладу на стол снимок узи, — Ему или ей всего пять недель.

Подруга берет в руки черно-белое фото, тщательно рассматривая.

— Пока ничего непонятно!

Смеюсь, я сама в шоке. Столько попыток забеременеть и наконец-то! Случилось чудо. Уже не терпится рассказать мужу.

Мы пытались зачать ребеночка полтора года. И каждый раз тест был отрицательный. Я не опускала руки, знала, что точно стану мамой. Просто дело времени. И вот позавчера, когда осознала, что у меня задержка, тут же записалась к ги-

некологу. Тест делать не стала. Андрюша уехал в командировку, а одной было страшно. Решила узнать в кабинете у врача, чтобы рядом хоть кто-то был. Надежда была, но и опасения тоже. А получилось вон как... Я стану мамой. Мы станем родителями.

— Ева, — Марина резко хватает меня за руку, округляя глаза, — Не смотри назад.

Ну, конечно, когда о таком просят, ты всегда смотришь. Как не смотреть то?

А там... черт! Не может быть. Мой Андрей с другой. В обнимку. Прикладываю руки к горящим щекам не в силах отвести взгляд.

— Ты же узнала ее? Это она? — ошарашено шепчет подруга.

Она... И ее язык во рту моего мужа.

Как мазохитска продолжаю смотреть на них, они не стесняются никого вокруг, словно в этом мире их двое. Она гладит его гладко выбритый затылок, лаская длинными пальцами шею. Мне становится дурно. Воздух застревает где-то в середине грудины, обжигая раненое сердце.

— Отвернись! — Маринка тут же подскакивает с места, закрывая мне глаза. Слезы катятся вниз, ударяя об преграду в виде руки, — Вот сукин сын! Не зря он мне никогда не нравился.

Маринка никогда не сдерживается в высказываниях. И Андрея она и правда невзлюбила с самого начала.

— Ничего не понимаю, — сбрасываю ее руку и снова, как маньячка, поворачиваюсь в их сторону. Но там пусто. Может мне померещилось?

Кручу головой в разные стороны, но их нигде нет. Плод моего воображения? Но Марина же тоже видела...

— Куда они ушли? — хлюпаю носом, немного заикаясь.

— Ева, малышка, соберись, — она промокает мое влажное от слез лицо салфеткой, — Тебе нельзя волноваться.

А я не просто волнуюсь, внутри воеет раненый зверек. Он и правда ее целовал. Он и правда позволил на людях касаться себя другой женщине. Он сказал, что в командировке. Но все это была ложь. Гнусная уродливая ложь от любимого человека.

— Я хочу домой! — шепчу, а у самой сумбур в голове. В ТЦ неприлично много народу, и ощущение, что все смотрят и знают, что мой муж мне изменил.

— Ну куда я тебя в таком виде пущу, поехали ко мне?

— Нет, Мариш, домой очень хочу, — стараюсь дышать ровно, чтобы хоть как-то прийти в себя.

— Ладно, но я тебя провожу.

Мы встаем из-за столика, оставляя так и не тронутый чай с десертом. Я хватаю снимок УЗИ, сдерживая новый поток слез, и прячу его в сумочке.

Вижу по лицу подруги, она много чего ласково хочет сказать об Андрее и его пассивности, но сдерживается. Узнала ли я ее? О да! Как ж тут не узнать. И самое больное, что именно

с ней он. А может она никуда и не уходила и всегда была в нашей жизни, а я просто глупая дура не замечала?

Мы садимся в серый Кашкай Маринки и выезжаем с парковки. Беру телефон в руки, набирая Андрея.

— Алло, Андрюш, как дела? — стараюсь говорить спокойно, чтобы не выдать себя с потрохами. Муж очень хорошо чувствует мое настроение, но по телефону выяснять отношения я не буду.

— Малыш, привет, — голос уставший, слегка надломленный, — Устал как собака. Трое переговоров, немцы эти... Короче, все мозги мне сделали. Как у тебя дела?

Немцы, ага. Ну ясно, врать он оказывается мастак.

— Да все супер, — натягиваю фальшивую улыбку. Лицо Марины тут же кривится, шикаю на нее, — Звоню узнать, что ты будешь на ужин. Ты же сегодня вернешься?

Скажи, что да! Скажи!

Глава 2.

— Ев..., — он замолкает на секунду, а у меня в голове уже сотня вариантов событий, — Да, сегодня. Но я буду не один. Приготовь что-нибудь простенькое, не как обычно ты любишь. Какие-нибудь котлеты с пюре. Ок?

Какие к черту котлеты? Он в себе вообще? За три года нашего брака я ни разу не готовила что-нибудь простенькое, муж избалован вкусной и изысканной едой. В начале мне было тяжело изголяться на кухне, а потом втянулась. Даже самой нравиться стало. Думала пойти на курсы по кулинарии, но Андрей на корню обрубил эту затею под предлогом, что мы хотим детей, и я должна сосредоточиться на главной женской задаче. Вообще, он не тиран, но бывает ужасно упрямым и жестким. И ему важно, чтобы его слово — было решающим. По столу кулаком он не бьет, как мой отец, но и на шею не позволит сесть никогда.

Человек бизнеса, что уж тут сказать.

— Ты уверен? — я на миг теряюсь от его слов.

— Ева, — слышу надзирательный тон, — Я разве похож на человека, который может быть в чем-то не уверен?

Не похож. От этого и страшнее. Ладно, нужно взять себя в руки, не рубить с плеча. Дома, когда он приедет, я обязательно расскажу ему все. Что видела их вместе, что не потерплю измену. Ни в каком виде. Да, я ЗА мужем, но я не

терпила. Ноги вытирать об меня не нужно.

— С кем ты будешь? — ловлю в зеркале заднего вида возмущенный взгляд подруги, но тут же пресекаю ее. Понимаю, она может сказать ему пару ласковых. А это лишнее.

— Давай без вопросов, — резко отрезает, — Все, до встречи!

Вот так легко. Отдал приказ, а я должна выполнить. Окей... Котлеты так котлеты.

— Что случилось? — Маринка тут же вспыхивает. Я знаю, что она очень волнуется за меня, но мне и своих эмоций хватает. Кто-то должен оставаться с холодной головой, и это вряд ли я.

— Сказал, что будет не один, — руки с гаджетом безвольно падают на колени, — Попросил котлеты с пюре приготовить.

Марина скалится, резко выворачивая руль. Но тут же извиняется за свою агрессию, видя как я вжимаюсь в кресло.

— Может ему еще и стриптиз станцевать? Придурок!

Я молчу, а что тут говорить? Я сама в полнейшем шоке. Не верю в происходящее. День начался прекрасно, а конец мне не ясен. Но там явно без позитивных проблесков.

Мы въезжаем во двор, я кошусь на свои окна, словно боясь там увидеть что-то лишнее. Например, силуэт полуголой девицы, и руки моего мужа на ее заднице. Но понимаю, что это лишь плод моего воображения, не более. Он точно не дома.

— Может я с тобой пойду? — подруга сжимает мою ладошку.

На самом деле от поддержки я бы не отказалась, но впутывать в семейные разборки кого-то третьего — глупая затея. Я и так многого не рассказываю ни родителям, ни подруге. Нет, живем то мы хорошо, просто Андрей бывает грубоват и скуповат на эмоции. С другой стороны я знала за кого выходила замуж. Чего теперь жаловаться?..

— Все хорошо, — выдавливаю улыбку, — Спасибо. Я пойду.

Мы обнимаемся, и я выбегаю из машины, скрываясь в дверях подъезда.

Дом встречает звенящей тишиной и пустотой. Раньше меня не смущала идеально чистая квартира, где все вещи лежат по местам. А сейчас я смотрю на нее, как на бездушное помещение, где нет ни любви, ни счастья. Или может боль искажает мое восприятие.

Бросаю сумочку на тумбу в коридоре, переодеваюсь в теплый домашний костюм из кашемира. Дорогущий. Как и все в этом доме.

Странно, но я действительно начинаю готовить эти чертовы котлеты. Другая бы плюнула на просьбу мужа, но где-то в глубине души я молюсь, что увиденное было ошибкой. Что я все не так поняла.

Когда я заканчиваю с готовкой, то слышу как поворачивается ключ в дверной скважине. Ладони начинают потеть

от тревоги, приглаживаю волосы, собранные в пучок, дышу ровно. Раз. Два. Три.

Ева, все будет хорошо. Слышишь? Ты сильная девочка.

— Дорогой, это ты? — выхожу из кухни, вытирая мокрые руки о полотенце.

Муж снимает свои идеально чистые лакированные туфли. Потом разворачивается ко мне лицом, и я вижу силуэт за его спиной. Пытаюсь разглядеть, кто там.

— Снимай куртку, — не обращая на меня внимание, отдает приказ.

Открываю рот, сдерживая удивленный возглас, смотрю на ребенка. Мальчишка. Лет пяти. Блондинистый, с кудрявыми волосами и большими голубыми глазами. Он испуганно смотрит на меня, прижимаясь к Андрею и обнимая его за бедро.

Мальчик явно боится. И не до конца понимает, что происходит. Впрочем как и я.

— Накорми его, пожалуйста, — муж командует, вешая детскую курточку на крючок. Снимает свой серый пиджак, складывая на тумбе рядом с моей сумочкой. Я слежу за его движением и замечаю уголок снимка УЗИ, что торчит из кармашка моей сумки. Ой, как это не вовремя. Молю, чтобы он не заметил. Но он даже не смотрит в ту сторону, его внимание полностью сосредоточено на ребенке.

— Андрей, кто это? — лепечу, ища глаза мужа. Посмотри же на меня. Дай мне хоть какое-то объяснение происхо-

дящему.

Он смотрит тяжело, грузно так. Припечатывает меня взглядом. Отступаю назад, прижимая полотенце к себе. Красивый кашемир слегка намокает. В любой другой день мне было бы жалко, что вещь может испортиться. Сейчас же — абсолютно все равно на все. Жду ответ.

— Это мой сын, — говорит так, словно ничего не происходит. Кидает еще раз взгляд на ребенка, и уходит в ванную.

А мы остаемся с мальчишкой наедине.

Глава 3.

Я смотрю на закрытую дверь ванной комнаты, сдерживая слезы. Не понимаю, что я должна сделать сейчас. В голове запутывается морской узел из хаотичных мыслей: от сбежать отсюда как можно скорее и куда глаза глядят до сесть, обдумать и все взвесить. И тот и другой вариант даются с трудом. Наличие в доме чужого ребенка накаляет мои и так трещащие по швам нервы. Осматриваю мальчика внимательно, повернув голову в его сторону, но так, чтобы он не заметил. Он сидит на пуфе в коридоре там, где его оставил отец, мотая ногами в разные стороны. Голова опущена и вид в целом скучившийся. Черт. Ему ведь тоже страшно и неудобно. И где же его мать?

А кто вообще его мать? Неужто та сучка, что сегодня была с Андреем в ТЦ. Хотя, кто как не она...

— Как тебя зовут? — сглатываю слюну, тихо шепча. Ищу в мальчишке черты Андрея, и каждый раз отмечаю, что он копия. Сердце от осознания патовости ситуации разрывает.

Мы столько времени пытались зачать ребенка, и муж каждый раз говорил, что хочет детей именно от меня. Что хочет наследника. А наследник то вон давно готовый. И стараться не нужно теперь. Я как раз девочку хотела, а вопрос с наследником решен.

— Дима, — мальчик выглядит чуть увереннее меня.

Вскидывает свои голубые глазища на мое лицо, сканируя своим гипнотическим взглядом. Мне больно от того, что у Андрея ребенок. Вдвойне больнее осознавать, что мальчишка хорошенький. Мне даже придраться не к чему. Да и не сука я, чтобы спускать пар на ребенке.

— Есть будешь, Дима?

— Да, — улыбается краешком губ.

Не будь ты таким милым, прошу тебя!

Молча иду на кухню, слыша его тихие шаги за спиной. Накладываю еду, ставлю перед ним, и как только он приступает к трапезе, сбегая подальше.

Врываюсь в кабинет Андрея. В любой другой день я бы не посмела без стука войти, это его личное пространство и оно недосягаемо. А сейчас плевать. Он вообще о моем пространстве никогда не думает. Ха! Да о чем я. Он и о моих чувствах не особо позаботился.

Андрей стоит лицом к окну, все еще в рубашке и брюках, рукава небрежно закатаны до локтей. Разминает шею крепкими руками, мышцы перекатываются, спина напрягается. Он словно зверь перед прыжком. Мощный, высокий, статный.

Вспоминаю, когда он в первый раз появился в нашем доме. Мне было шестнадцать лет. Молодая, глупая и влюбленная. Сразу на него запала, как кошечка ходила по пятам. Не липла, конечно, не висла не шее. Но с большой любовью и доверчивостью смотрела на него. Он был идеалом для меня.

До сегодняшнего дня.

Помню, как расплакалась от счастья, когда отец сообщил мне, что Андрей Валевский хочет на мне жениться. Сначала не поверила, ведь между нами не было ничего кроме моей юной влюбленности, но зачем-то он захотел меня в жены. А я согласилась. Разве могла отказаться от него, когда так отчаянно и преданно любила? И думала, что он тоже любит, раз выбрал меня. Дура. Наивная.

— Андрей, — зову его, собирая всю волю в кулак.

Медленно разворачивается, хмуря брови и закусив щеку изнутри. Его бесит, что я зашла без стука. По глазам вижу бурлящее недовольство.

— Почему ты здесь, а не с ребенком?

— Может потому что это твой ребенок, а не мой..., — шиплю как змея. Он сейчас серьезно задал этот вопрос?

— Так, — поднимает руку вверх, рассекая воздух, — Тон сбавь. Немедленно.

— Ты пытаешься меня сделать виноватой сейчас? В чем? В том, что я не устраиваю истерику, когда ты приводишь своего отпрыска? Или готовлю для него чертов ужин?

Не знаю, откуда берется смелость, но я и правда начинаю закипать. Он ведь даже не пытается оправдаться хоть как-то. И жалею, что на эмоциях назвала невинного ребенка отпрыском...

Только уже поздно, Андрей в два шага ровняется со мной, свирепея. Его ноздри раздуваются, выпуская горячий воз-

дух. Давит взглядом, приковывая меня к месту. Ощущаю жаркий выдох у своего уха.

— Ева, если ты еще раз позволишь себе так выразиться в сторону моего сына, то пожалеешь. Я клянусь тебе, будет плохо.

Делает шаг назад, складывая руки в карманы. заставляет меня чувствовать себя скверно, словно это я провинившийся нерадивый котенок.

— Я видела тебя сегодня с той женщиной, — слезы градом катятся вниз. Если я сейчас не выплакаюсь, то грохнусь в обморок от тахикардии.

— С какой женщиной? — вопросительно изгибает бровь. Прикидывается, что ли?

— Ты знаешь с какой. Я даже не хочу ее имя произносить. И я подумала, раз у тебя есть сын и другая женщина, то я больше тебе не нужна. Я хочу уйти, — принимаю решение за секунду.

А какой смысл оставаться с человеком, который не чувствует за собой вины за измену. За вранье. За ту боль, что причинил мне. Своей законной жене.

— Ты сейчас хорошо подумала? — его голос становится совсем-совсем тихим. Но это не приятный шепот, а скорее тяжелый свист.

Глубоко вдыхая и медленно выдыхая, распрямляю спину, заламывая пальцы на руках.

— Да! — поднимаю подбородок вверх. Уходить, так с гор-

до поднятой головой.

Андрей медленно подходит к столу, берет что-то в руки, бесшумно разворачивается.

Губы немеют от шока.

— Собралась уйти вместе с этим? — он вскидывает руку вверх, демонстрируя мой снимок узи, — Хочу тебя расстроить. Шансов ноль. Пока наш ребенок в твоём животе, ты останешься в этом доме.

Выносит приговор. А я каменею от ужаса и страха. Это мой любимый муж, моя первая любовь. И он втоптал меня в грязь, а сейчас угрожает. Куда же мы пришли. И самое главное... Почему это случилось с нами?

Глава 4.

— То есть как только я рожу, то ты меня выкинешь как ненужную вещь? — отвечаю с сарказмом.

Андрей устало трет переносицу указательным и большим пальцами, отходит обратно к столу и садится в свое черное громоздкое кресло. Ставит локти на стол из красного дуба, отодвигая кипу бумаг в сторону, и кладет сверху нее мой снимок УЗИ. Я молчу, переваривая информацию и ожидая ответ мужа, прожигаю взглядом фото нашего будущего малыша, внутри лопается струна нервов. Срываюсь, психую, когда его молчание затягивается.

— Отвечай! — требую, чуть ли не топнув ногой. Но тело окаменевшее, поэтому резкие движения даются с трудом.

Он усмехается, наблюдая за мной, чем еще больше раздражает. Внутри все кипит, гнев разгоняет кровь по венам, заставляя ее бурлить, как кипяток. Жжет в груди от боли и злости.

— Ев, я тебе сказал, что ты ненужная вещь? Или сказал, что ты будешь не нужна? — говорит как с глупой дурочкой.

— Все твои действия говорят об этом. Ты бесчувственный чурбан, за что ты так со мной? Я чем тебя обидела, что заслужила эту помойку?

— Прекрати истерику, я не воспринимаю информацию в таком тоне, — спокойно парирует.

— Пошел ты к черту, Андрей! — выплевываю с гневом.

Еще неделю назад мой муж ласкал меня в нашей постели, шептал нежности и кончал вместе со мной. А что сейчас? Угрозы, упреки, любовница и чужой ребенок. А ну да, и моя беременность в придачу. А когда я стала участницей реалити шоу, или это моя жизнь стала дешевой мелодрамой с элементами Санта-Барбары?

Андрей ни разу не говорил мне слова любви, но он всегда говорил мне, что я нужна ему. И мне было достаточно, я сама то один раз в жизни призналась в любви. В нашу первую брачную ночь, когда лишилась девственности с любимым мужчиной и уже мужем. Он просто поцеловал меня в губы, трепетно так, заглянул в глаза и пообещал, что будет всю жизнь оберегать.

Воспоминания того дня выжигает внутри моей души болезненное клеймо. Я хочу того Андрея, я хочу, чтобы все это оказалось дурацким сном. Идиотским розыгрышем.

Вылетаю из кабинета, проносясь вихрем мимо кухни. Кидаю беглый взгляд на мальчишку, отмечая, что посуды на столе нет, а сам ребенок спокойно сидит в углу дивана и играет в машинку, не обращая внимания ни на что вокруг.

Подлетаю к вешалке в коридоре, доставая теплую куртку, так как ближе к ночи уже холодает. Натягиваю ее прямо на домашний костюм, времени переодеться нет. Мне нужно поскорее оказаться, где угодно, но не в этом доме. Попутно надеваю сапоги и хватаю ключи от машины. Как же я не люб-

лю водить... Обычно пользуюсь такси, потому что страх перед дорогой все еще остался. Говорить уж сколько раз я пыталась сдать на права не стоит, тяжело мне далось обучение в автошколе. Как и вождение в целом. Но сейчас мне плевать, ожидать такси нет ни желания, ни сил. Буду плестись лучше сорок километров в час.

— И куда ты собралась? — Андрей настигает меня, когда я уже касаюсь ручки двери, — Еще и за руль решила сесть, — цокает, неодобрительно качая головой.

— Я поехала домой!

— Твой дом здесь, Ева, — он берет меня за локоть, притягивая ближе к себе. Ловлю знакомый аромат парфюма, мой самый любимый. И слезы начинают собираться в уголках глаз. Как бы хотелось, чтобы он просто приехал с командировки, и мы лежали вместе, упиваясь друг другом. А не вот это вот все. А были ли вообще эти командировки?...

— Нет, Андрей, ты ошибаешься. Я здесь больше не чувствую себя как дома, — резко выдергиваю руку из захвата крепких пальцев, — Даже больше тебе скажу. Я ненавижу этот дом и тебя!

Выбегаю в подъезд, кидаясь к лифту. Спускаться с двадцать пятого этажа пешком нет сил, да и напрягаться не хочу, все-таки отвечаю теперь не только за себя, но и за малыша. А потрясений мне на сегодня достаточно.

— Далеко поедешь? — его насмешливый тон только усугубляет ситуацию. Я на грани истерики.

Молчу, игнорируя его высунувшуюся голову из дверного проема.

— Ладно, Ев, я понял. Тебе надо остыть. Передавай отцу привет! — начинает закрывать дверь, на секунду останавливается, — И будь аккуратна на дороге, пожалуйста.

Стук. И дверь захлопывается, а створки лифта открываются. Все же даю волю эмоциям, разрешаю слезам бесстыдно катиться вниз, капая на шею и утопая за воротником куртки.

Сажусь машину, рыдая во весь голос. В подземном паркинге не единой души, поэтому разрешаю себе завывать во весь голос.

— Алло, дочка, что-то случилось? — мама поднимает трубку, голос обеспокоенный.

— Мам, я к вам еду. Буду через час, — это в лучшем случае. Родители живут за чертой города в частном доме.

— Ох, а что такое, Евушка? Ты плачешь? — родительница начинает тяжело дышать.

— Мам, мы с Андреем разводимся.

В этом я теперь уверена точно. Видеть и слышать его не хочу.

— Как? Что ты за глупости говоришь?

— Мам, — срываюсь, — Давай без лишних вопросов сейчас. И так тошно. Ждите.

На заднем фоне слышен шум, а следом голос отца. Он ругается, причитая.

— Так, Ева, что за фокусы? — строгим тоном отчитывает

меня, отобрав трубку у мамы, — Вернись к мужу.

— Пап, я не вернусь к нему!

— Ты глупая маленькая девчонка. Потерять такой брак из-за ерунды? Ты в своем уме? — они решили меня коллективно добить видимо. Потому что слова отца режут острым лезвием по живому.

— Какой ерунды? Ты же даже не знаешь, что произошло, — шепчу так тихо, как только могу. Силы совсем на исходе.

— Андрей звонил мне минуту назад, рассказал о твоём взбрыке. Попросил позаботиться о тебе, пока ты в истерике. Ты зачем мужу мозги делаешь? Плохо живешь?

Отец продолжает отчитывать меня как маленькую девочку. Он всегда был строг, никогда не давал спуска. Поэтому у меня в наличии и золотая медаль, и красный диплом, и куча ненужных регалий.

— Он мне изменил! — кричу в трубку, — И у него есть сын!

— Ева, — отец холодным тоном заставляет меня замолкнуть, — Прекрати быть ребенком. Возвращайся домой, или приезжай к нам на денек. Поспишь и образумишься.

Я даже не дослушиваю до конца, скидываю звонок, отбрасывая телефон в сторону, ощущая невидимый ожог на руке. Словно гаджет пропитан ядом.

А вот теперь я действительно понятия не имею, что делать. И как жить.

Спасибо вам за вашу активность!) Я очень ценю каждую библиотеку, лайк, подписку и комментарий.

Если интересно, как выглядят главные герои, то вчера вышел блог "Визуализация".

<https://litnet.com/ru/blogs/post/506722>

Приятного чтения!)

Глава 5.

— Просыпайся, соня-засоня, уже полдень, — теплая рука гладит меня по голове. Чувствую сухость во рту, глаза еле открываются. Хотя это не мудрено, с учетом того, что я почти всю ночь проплакала и уснула к ближнему к рассвету.

— Не хочу просыпаться, — это правда. Единственное, что меня останавливает от настоящей меланхолии, это наличие малыша в животе. Все же он точно не виноват в том, что происходит сейчас. А я ему нужна как никто, как и он мне.

— Ев, — Марина тяжело вздыхает, ложась рядом на соседнюю подушку, — Давай вставай. Нечего горе в подушке топить.

Она тянет меня за руку, поднимая мое тело как мешок с картошкой. Тащит в ванную комнату, включая воду, и выходит. Я поднимаю безжизненный взгляд на зеркало, замечая в зеркале отражение какой-то выцветшей, сломленной девушки. С ужасом понимаю, что это я. Со всклокоченными волосами, размазанной тушью, синяками под глазами, бледным лицом. Хочется снова себя пожалеть и разреваться, но вместо этого я иду в душ.

В комнате вибрирует телефон, подхожу к тумбе оставляя на полу мокрые следы. Восемьдесят три пропущенных. Сорок четыре от Андрея, двадцать восемь от мамы и одиннадцать от отца. И ноль желания перезванивать кому-либо из

них.

Гипнотизирую дисплей прожигающим взглядом, смотря на иконку с мигающими сообщениями. Их тоже куча. Гневные от отца, надзирательные от Андрея и беспокоящиеся от матери.

Кидаю телефон в сторону, пусть сами между собой общаются. У них это отлично получается без меня делать.

Я промокаю волосы полотенцем, расчесывая их пальцами. Заимствую у Марины спрей для волос и привожу себя в порядок. Насколько это возможно сейчас.

Вчера, когда я осталась один на один со своей болью в холодном сыром паркинге, я четко поняла для себя. Нужно что-то менять в жизни, но больше я так жить не хочу. А как по-другому понятия не имею. Но мне как минимум нужны будут деньги, чтобы жить. Потому что брать деньги у родителей, а тем более оставаться на попечении Андрея — я не собираюсь.

— Ты будешь кофе или чай? — Марина отвлекает меня от мыслей.

— Давай кофе с молоком, — киваю ей, — Покормишь? Я не ела со вчерашнего утра.

— Конечно, Евушка. Что за вопросы?

За завтраком мы разговариваем на отвлеченные темы, все, что угодно, лишь бы не обсуждать произошедшее. Мне хватило вчера разъяренной Марины, что порывалась поехать к мужу и расцарапать ему лицо. Она реально это сделала бы

без проблем.

— Ев, — она со звоном откладывает вилку в сторону, — Не могу я делать вид, что все нормально! Нужно что-то решать.

— Например, что ты предлагаешь? — горько усмехаюсь, облизывая ложку с десертом.

— Ну у вас как минимум есть совместно нажитое имущество, поэтому ты смело можешь претендовать на квартиру. На машину. Да и в целом на первое время должно денег хватить.

Пока Марина рассуждает, я молчу, опустив голову вниз. Ни черта у нас нет. Вернее у меня. Потому что я была глупой влюбленной девочкой, которая доверчиво смотрела мужу в рот, думая, что он БОГ.

— Что такое? — она прищуривается, ощущая мое замешательство.

— У нас есть брачный договор, — прикусываю нижнюю губу, больно впиваясь зубами в потрескавшуюся кожу, — В случае развода, я не могу ни на что претендовать.

— И ты это подписала, Ева? — Марина громко восклицает, взмахивая руками.

— Конечно. Так хотел Андрей.

А я хотела за него замуж.

— Капец... Хотя нет. Полный пиздец, Ева. Вы вообще на каких условиях то женились? Он тебя покупал что ли?

Ее слова больно обжигают, но если так подумать, то он

просто хотел себе спокойную, услужливую жену. После тяжелого разрыва ему нужна была тихая гавань. И он получил ее в виде меня.

Кто же знал, что его любовь к той самой не затихла. Кто же знал, что она вернется в его жизнь, когда в ней уже буду я.

— Мне ничего от него не нужно, Марин. Пусть живет со своей Олей, сыном. И пусть будет счастлив, — как бы я не пыталась себя убедить, что буду счастлива за них, боль пожирала изнутри по маленькому кусочку, — А мы как-то сами справимся.

Кладу руку на живот и поглаживаю его. Конечно, там пока еще совсем малюсенькая жизнь, но я уже очень сильно люблю этого ребенка.

— Оля эта, сучка, да и Андрей твой испортили тебе жизнь. Пусть горят в аду.

Марина особо никогда не подбирала выражений. Поэтому ее агрессия меня не удивляет.

— Видимо у него не получилось забыть ее, а я не смогла заменить ее. Что ж, так случается.

— Мда, Ева, честное слово. Ты пытаешься оправдать их?

— Нет, Марин, — качаю головой, — Я просто не хочу опускаться до их уровня, унижая и строя козни. Лучшим способом будет — это игнорировать. Показать, что мне плевать.

— Но тебе не плевать, — замечает она.

— Нет. Но это останется со мной.

— Оля эта, конечно... Никогда не понимала, что он в ней нашел. Я видела ее один раз в клубе, пьяную вдрызг. Она вешалась на всех мужиков подряд, светя голой задницей. Мерзкая баба.

— Она просто любит свободу. Я как-то слышала разговор Андрея с его другом, он говорил ему, что остался бы с ней, если бы не ее свобододолюбивый нрав. Но это было еще до нашей свадьбы.

— Да похер на нее. Ты лучше в сто раз, и если этот скот не оценил этого, то это его проблемы. Такая как ты точно не останется одна.

Возможно и не останусь. Только я больше не хочу подпускать к себе ни одного мужчину никогда. Ни при каких обстоятельствах. Довольно, мне хватило. И боли, и унижений.

Наш разговор резко прерывает звонок в дверь, хватаюсь рукой за спинку стула. Надеюсь это не за мной.

Марина подходит на цыпочках к двери, заглядывая в глазок.

— Андрей? — губами проговариваю я.

Она молча кивает. Черт. Ну что еще ему нужно? Я хочу покоя. Сейчас видимо начнется разбор полетов.

Глава 6.

— Не открывай, — шепчу ей. Чувствую, что он не позволит мне остаться здесь, заберет с собой. Последнее, что я хочу — это уехать с ним в его дом. Больше не мой и не наш. Его.

— Давай я открою и выскажу ему все в лицо?

— Марин, не нужно. Проблемы будут, — качаю головой.

Знаю, что Андрей не оставит Маринино хамство просто так. Конечно, он не кровожадный какой-то, гадить не будет, не его методы. Но приструнит так точно. Он может одним взглядом указать человеку на его место. И что поразительно, он никогда не позволял себе так обращаться со мной, я чувствовала себя под куполом защиты рядом с ним. Видела как он испепелял людей, которые ему не нравятся, уничижительным взглядом. Но меня никогда.

Конечно, особо ласковым его тоже не назвать. Но он был всегда спокоен, сдержан. И вчера, когда я смотрела в лицо некогда любимого мужчины, я не видела там того самого Андрея, в которого влюбилась беспамятства. Самое страшное и болезненное — это не сам факт измены, а то, что ты очень сильно разочаровываешься в мужчине. Просто в один день смотришь на него, а он больше не тот родной.

Звонок продолжает раздражать перепонки, кажется он не собирается отсюда уходить.

— Открой немедленно, — рычит за дверью. Я слышу как он чертыхается, ударяя кулаком по двери. Вздрагиваю на секунду, подпрыгивая на стуле.

— Ева! — Андрей кричит, не очень громко, но я прекрасно слышу каждый его вздох, или мне так кажется, — Давай ты не будешь усугублять ситуацию. Открой эту чертову дверь.

— Уходи, я не выйду, — сдаюсь и падаю голос.

— Выйдешь!

— Андрей, все, хватит мне угрожать. Никуда я с тобой не пойду, слышишь?

Я стараюсь говорить уверенно, Марина меня подбадривает, растирая озябшие плечи. Шум за дверью стихает, я не верю, что он мог уйти. Вот так просто?

Заглядываю в глазок, Андрей опирается одной рукой о дверь, а голова его опущена. Он выглядит уставшим и каким-то потерянным, на секунду чувствую жалость, но тут же себя одергиваю. Это он здесь агрессор, не я. Это он причинил мне сильную боль, это он растоптал мои чувства и все хорошее, что было.

— Ев, — он поднимает голову и смотрит словно мне в глаза. Я сглатываю комок, прикладывая руку к колотящему сердцу, — Открой. Мне нужна помощь.

Что? Я не ослышалась? Ему нужна помощь?

Ошарашенно взираю на Марину, та хмурится, качая головой в отрицании. Никогда до сегодняшнего дня он не просил

меня о помощи.

— Это уловка, — подруга тихо говорит, — Не верю я ему.

Я, если честно, сама в шоке. А жизнь то подкидывает все больше и больше сюрпризов с каждым днем.

— Что ты хочешь от меня?

— Чтобы ты поехала со мной, — говорит спокойно, а потом резко срывается, стуча кулаком, — Открой же уже эту уродскую дверь, пока я ее не вынес. Ева!!!

— Андрей, я открою эту дверь только при одном условии, — замолкаю на секунду, кажется и он немного притихает, — Ты дашь мне развод.

— Ага, — саркастически усмехается, — Что еще тебе дать? Хочу напомнить ты носишь моего ребенка.

Нашего, Андрей, нашего. Но видимо в его призме мира — ребенок только его. От этого вдвойне горько. Он даже не особо то воспринимает меня матерью.

— Нет, хватит с меня. Либо развод, либо уходи!

— Ладно, — как-то быстро соглашается он, — Договорились.

Я на секунду перестаю дышать, не осознавая, что он только-что дал добро. Неужели это все? Перед глазами начинают проноситься картинки нашей совместной жизни, и где-то в глубине души я испытываю разочарование, что все заканчивается. Но быстро себя останавливаю. Он предал меня.

Кручу ключ в замочной скважине под пристальным взглядом Марины, она крутит у виска. Да, я дура. И я верю, что

раз он сказал, что даст развод, то так оно и есть. Вообще он слова на ветер не бросает.

— Собирайся, — севшим голосом говорит мне, как только я открываю дверь.

Взгляд у него какой-то потерянный. Но злой. Вижу, что сдерживает себя от гнева.

— Я не хочу с тобой никуда ехать. Говори, зачем пришел и уходи.

Складываю руки на груди, прислонясь к стене. Андрей кидает вопросительный взгляд на Марину, пожимая плечами в немом вопросе. Что?

— Пускай уйдет. Это только между нами.

— Ну уж нет, вдруг ты ее украдешь, — Марина начинает закипать, и я вижу как ее настроение тут же подхватывает Андрей. Нет, еще один скандал я не выдержу. Не сегодня точно.

— Так, Мариш, я быстро. Н переживай.

Она противится, не хочет уходить. Молю ее не усложнять и так трудную ситуацию. Она все же соглашается, бросая гневный взгляд в сторону Андрея напоследок и уходит на кухню.

— Зачем устроила этот цирк, Ев? — на полном серьезе задает вопрос.

— Цирк устроил ты, когда целовался с другой женщиной в общественном месте, а потом привел своего сына. Кстати, о котором я не знала. Ну да, обычно жен в такие вещи не

посвящают, это же так. Пустяки.

Его губы складываются в тонкую линию.

— Есть много вещей, о которых ты не знаешь. И не понимаешь.

— Так ты ничего и не объясняешь, Андрей. Вместо того, чтобы хоть как-то прояснить ситуацию — ты угрожаешь мне. Классный у нас брак, да? — вскидываю большой палец вверх.

— Не ерничай, — осекает меня, — Ты плохо жила эти три года?

— Причем тут это? Я жила хорошо, потому что любила тебя. И была счастлива быть рядом. А вот ты нет, видимо. Я была красивым дополнением к твоей солидной персоне. Да меня даже никто по имени то не называл. Андрей Валевский и его жена.

— Ева, я бы не подпустил близко к себе женщину, в которой бы не был заинтересован. И уж тем более не женился бы на ней.

Не верю. Не единому слову.

— Это уже не важно. Я не хочу быть с тобой.

— Ну конечно, охотно верится, — его самоуверенность раздражает.

— Ты пришел поиздеваться? Все, надоел, уходи.

— Стой, — хватает меня за руку, а тело прошибает электрическим разрядом. Оно все еще помнит прикосновения. Оно все еще хочет их. Но мозгом я понимаю, что мне придет-

ся отучать себя от него. От первого мужчины, во всех смыслах.

— Дима сильно заболел, поехали. Посмотришь его.

— Почему я должна смотреть за твоим сыном? Вызови скорую.

— Он боится посторонних людей. А тебя уже видел.

— И что? Я тоже посторонняя. Никуда я не поеду.

Андрей устало вздыхает, закидывая голову наверх. Раскастистые плечи распрямляются. Любуюсь им. Он всегда был самым красивым мужчиной. Для меня. Хотя я видела, как другие женщины заглядываются, и в тайне жутко ревновала.

— Ев, у него температура очень высокая. Жалуется на боль в животе. Ты же училась в меде. Зря что ли?

— Боже, Андрей, я училась на фармацевта. Я никакие диагнозы ставить не могу. И уж тем более лечить.

— Ева, поехали. Помоги.

Глава 7.

— Нет, Андрей. Я не поеду. Мои действия могут сделать еще хуже ребенку. Вызывай скорую. А с кем Дима вообще?

— С Аллой.

Мой рот тут же кривится при упоминании его матери. Вот эту женщину я вообще не люблю. Она очень своеобразная, вернее даже не так. Она самая настоящая стерва. И мать из нее никудышная. Может и не мне судить, конечно. Но она всю жизнь занималась только своей личной жизнью, наверное поэтому Андрей вырос таким холодным человеком. Она всегда выбирала не сына, а себя. Он редко, что рассказывал о своем детстве, но точно помню, как он отзывался о своей матери, как о ненадежном человеке. Он ей просто перечисляет деньги раз в месяц, видятся они редко.

Он даже ее мамой то не зовет. Вроде как она ему запретила, когда он был еще совсем мальчишкой. Мол, какая мама. Я молодая женщина в самом расцвете сил. Называй меня Аллой.

А меня она невзлюбила сразу. Тыкала во все, что только можно. Перед свадьбой, прямо вот перед самым началом церемонии она подошла ко мне и сказала: "Платье тебе совершенно не идет. И ты не подходишь моему сыну. Ему нужна яркая личность, а не мышь, как ты."

Знато я тогда проплакалась, но Андрей все же женился

на мне. На мышке, как она считает.

— Мда, Андрей. слов нет, — качаю головой, — Видеть твою мать желания ноль. Как и тебя. Мне жаль мальчика, что он остался с двумя холодными людьми. Но я никуда не поеду. И советую тебе поторопиться и вызвать скорую.

Я все порываюсь спросить, где же собственно мать ребенка, но молчу. Он должен знать, что мне плевать. Даже если я пытаюсь в этом убедить себя саму, пока внутри грызет любопытство и непонимание.

— Уже, — он поднимает телефон экраном ко мне, показывая смску, — Алла вызвала скорую.

— Ну вот и славно. Значит ребенку помогут, — начинаю закрывать дверь, выталкивая мужа за порог.

— Поехали со мной в больницу, — останавливает меня.

— Андрей. Ты издеваешься? Что я там забыла?

— Я не хочу туда ехать один.

— Там твой сын и твоя мать. Ты точно не будешь один.

— А я хочу, чтобы ты была рядом.

Его слова шокируют. Эти качели, что он устроил, так сильно изматывают. Я уже плохо соображаю. То он кричит, то угрожает, то просит о помощи. И все это за два дня. Что в голове у этого мужчины? А самое главное я не узнаю его. Этого Андрея я вижу впервые. И понятия не имею, как себя вести с ним.

— У тебя совсем голова перегрелась? Мы разводимся, Андрей, — проговариваю ему прямо в лицо, — Я не буду

жить с предателем.

— Ева, прекрати нести чушь, — начинает снова закипать, — Ты же любишь меня!

— Разлюбила, — выплевываю. А самую скручивает напополам. Ну ведь первая любовь самая сильная, и зачастую самая болезненная. Она ломает. И мое сердце когда-то выбрало почему-то именно этого мужчину. Старше на десять лет. Который не проявлял ко мне никакого интереса. А потом вдруг взял в жены. Тогда я даже не задумывалась о его мотивах.

И мне так хотелось стать самой лучшей женой на свете, чтобы он кайфовал. Радовался, что я у него есть. А он не оценил. Видимо не покорность ему нужна была, а что-то другое.

— Я тебе не верю, Ева. Ни единому твоему слову.

— А мне не нужно, чтобы ты верил мне. Мне нужно, чтобы ты дал развод.

— Ну хорошо. Хочешь развод, то окей. Я попрошу своих юристов подготовить все документы.

— Вот и славно, — строю неискреннюю улыбку.

— Ты совершаешь глупость, Ева. Большую глупость.

— Это ты совершил большую глупость, Андрей, — смотрю прямо на него немигающим взглядом, — А теперь уходи.

Он закрывает дверь, хлопая ею так, что стекла начинают трещать. Оседаю на пол, рыдая. Очень-очень больно, все скручивает внутри. Я понимала, что развод неизбежен. А сейчас, когда он дал добро, то кроме боли ничего больше не

чувствую. В глазах темнеет, голова кружится.

Маринка подлетает ко мне, помогает встать и перекладывает на диван в гостиной. Подает стакан с водой, прикладывая мокрую тряпку к горячему лбу.

— Господи, и до чего же тебя довел этот брак. Ничего хорошего, — она причитает, размахивая ладонями перед лицом. Я вся горю, тело стрессует.

— Он согласился дать развод, Мариш.

— Ну и радоваться надо. Начнешь новую жизнь с чистого листа.

— Как-то пока не получается радоваться, — слезы снова начинают течь. То ли я себя желаю, то ли просто оплакиваю былую любовь. Хотя кого я обманываю, чувства к Андрею никуда не ушли.

Да, я в нем разочарована, но заставить сердце разлюбить по щелчку пальца невозможно. А что будет с ребенком? Надеюсь, Андрей не откажется от него. Нет, конечно, мне ничего не нужно. Но ребенку нужен будет отец, чтобы он просто любил его. Если, конечно, Андрей способен на это чувство. В чем я теперь тоже не уверена.

— Ев, я помогу тебе, чем смогу. Жить спокойно можешь у меня, ты же знаешь, я люблю гостей. Вернее я люблю гостей, в виде тебя.

— Не, Марин. Стеснять тебя не буду. Поеду к родителям.

— К тирану отцу? — хмыкает она, — Ну да, самое верное решение, чтобы там растить ребенка.

— Он не тиран. Просто принципиальный.

— Называй это как хочешь, Ев. А факты остаются фактами. Даже твой Андрей цветочки по сравнению с отцом. Не понимаю, как твоя мать его терпит.

— Любит сильно, — вытираю слезы рукавом кофты.

— Любит ли, вот это вопрос большой.

— Ладно, давай закроем тему, — родителей обсуждать нет никакого желания. А уж тем более их личную жизнь. Какие никакие, но они вырастили меня.

Спустя час на телефон приходит смс от Андрея.

"Документы подготовят в экстренном порядке. Жду тебя у себя в офисе послезавтра. Подпишем и разбежимся."

Вот так и заканчивается наша история длиною в три года. И я была счастлива, правда. Или же жила в иллюзиях. Руки трясутся, телефон падает на пол.

Ты же сама этого хотела Ева. Сама.

Глава 8.

Ровно к десяти утра я подъезжаю к высотному бизнес-центру. Некоторое время стою у входа в крутящиеся стеклянные двери, поднимая голову вверх. Сколько здесь этажей? Вроде двадцать пять или двадцать восемь. И все это здание принадлежит моему мужу. Генеральный директор строительной компании и главный застройщик в нашем городе. А еще изменщик, предатель и манипулятор.

Хочется сбежать, но я себе заставляю остаться, уже не получится быть хорошей девочкой. Придется принимать правила игры. Самое главное, чтобы Андрей дал развод спокойно, и чтобы остался отцом нашему ребенку. В отличие от него, я считаю ребенка нашим.

— Ева Александровна, привет! — позади слышу знакомый голос. Поворачиваю голову в сторону, замечая Костю, он же зам моего мужа. С Костей я общалась всегда при Андрее, когда он брал меня на деловые встречи, где нужно быть с женами или на другие менее официальные мероприятия.

— Привет, Кость, — выдавливаю улыбку.

— А чего ты стоишь, не заходишь?

— Да я просто свежим воздухом дышу.

— На улице уже довольно холодно, пошли внутрь, — он кладет руку на мою поясницу и подталкивает вперед.

Скупно киваю ему идвигаюсь медленно к прозрачным две-

рям.

— Может кофе? Андрей вроде еще должен быть на встрече.

— Да? Странно, он попросил прийти ровно к десяти.

— Там незапланированная планерка. Пришлось экстренно проводить. А вы что, дома не общаетесь? — Костя пытается шутить, а я вся сжимаюсь в комок. Ага, общаемся. Так хорошо общались, что дошли до развода.

— У Андрея много дел и командировки постоянные, сам понимаешь, — пожимаю плечами, — От кофе не откажусь.

Это всяко лучше, чем сидеть одной в приемной и ожидать.

— Это, кстати, да. Что-то у нас дела последнее время не очень хорошо идут. Андрей постоянно отлучается по делам, — его слова как ножом по сердцу. Вздрагиваю, стараясь не выдать себя. Видимо Костя не в курсе походов своего шефа.

— Кость, а ты не в курсе, он ездил на днях куда-то? — начинаю издали, — Ну вот пару дней назад.

— Конечно, мы вместе с ним в соседнюю область мотались. У нас там срочное подписание документов было, без вариантов. А что?

Мы садимся за столик в кофейне на первом этаже БЦ. Заказываю себе американо с теплыми сливками, а Костя берет двойной эспresso. Официантка услужливо принимает заказ и удаляется.

— Ты уверен, Кость?

— Ну, конечно, Ев. Что за вопросы? Мы с ним были в одном отеле, на всех переговорах вместе. В баню с партнерами ездили, — он начинает подробно рассказывать, ловя мой недоуменный взгляд, — Ну если что, в бане были только мужики. Пиво там, серьезные мужские разговоры. Ничего лишнего.

Он тут же начинает оправдываться, но я его успокаиваю. На баню мне плевать, а вот то, что Андрей действительно был в командировке — сбивает с толку. Теперь я совсем ничего не понимаю. Как так? Я же видела его своими глазами в ТЦ.

Официантка ставит заказ на стол, я делаю жадный глоток кофе, и мы продолжаем разговор.

— У вас все хорошо, Ев? Я имею ввиду с Андреем. Ты прости, может я лезу не в свое дело, но он злой как собака все эти дни.

— Правильно, Костян, ты лезешь не в свое дело, — голос сбоку заставляет встрепенуться. Я резко поворачиваю голову, замечая мужа. Он стоит у соседнего стола, скрестив руки на груди. Испепеляет Костика взглядом, недобро хмуря брови. Выглядит как всегда с иголки: серый костюм, под ним черный бадлон и идеально начищенные туфли от Берлутти, на руке очень дорогие часы, сделанные на заказ прямо в Швейцарии. Аромат моего любимого парфюма заполняет все пространство. Ловлю носом нотки мускуса и древесины, напоследок запоминая, как пахнет некогда любимый

мужчина.

— Да я просто поинтересовался, Андрюх. Ничего такого,
— Костя тушует под испепеляющим взглядом босса.

— Мне не нравится, когда с моей женой пьют кофе другие мужчины. Впредь так делать не нужно.

Я вспыхиваю от гнева за секунду. Надоел он со своими приказами. Мало ли, что ему не нравится.

— Костя, ты прости за его невежество, спасибо за кофе,
— встаю из-за стола, мило улыбаюсь мужчине, — И да, Андрюш, почти с бывшей женой. Не стоит запугивать мужчин вокруг меня.

Не знаю, откуда берется смелость, но появляется азарт. Хочется уколоть его, сделать больно. Засунуть нож в самое сердце и провернуть его по кругу. И это месть. Пусть не только мне будет хреново.

Я отмечаю бешеный огонь глубоко внутри глаз Андрея, его красивые зеленые глаза начинают темнеть. Он опускает руки вниз, сжимая кулаки. Бросаю взгляд на Костю, тот в ужасе пялится на Андрея. Я ненароком создала проблемы невинному человеку.

— Ева, — он надвигается в мою сторону, — Что ты себе позволяешь?

Он хватает меня за локоть, уводя в сторону. Захват его руки оставляет болезненные отпечатки, я пишу, прося отпустить руку. Но он не слышит.

— Ты хотела меня опозорить перед подчиненными? —

рычит в лицо.

— Ты же меня опозорил. Почему нет?

— Какая же сучка стала. Где моя Ева? Где та ласковая девочка?

— Андрей, — смеюсь прямо в лицо, — Ты себя слышишь вообще? Какая ласковая девочка? Ты ее растоптал и уничтожил.

— Ева, — снова приближает свое лицо. Его рука опускается мне на щеку, начиная поглаживать, я на мгновение теряюсь. Вижу как загораются глаза мужа, он тянется ко мне, — Ты же моя, ты это знаешь?

— Нет, Андрей. Больше нет. И не прикасайся ко мне, мне противно, — уворачиваю лицо от поцелуя. Его губы мажут по моему виску.

— Это пройдет, Ев.

— Не пройдет. Ты обещал развод. Не говори только, что передумал.

Набираю в грудь воздуха, молясь про себя, чтобы скорее подписать эти бумаги и сбежать. Его присутствие плохо на меня действует. Мозгом то я все понимаю, ненавижу и презираю. А тело вот самый главный предатель, зачем-то тянется к мужу. Но я одергиваю себя. Полный бред снова довериться тому, кто уже единожды втоптал твое искреннее сердце в грязь.

Глава 9.

— Нет, не передумал, — хмыкает муж, — Пошли.

Он протягивает руку, я скептически смотрю на его ладонь. Он действительно думает, что я возьму его за руку? Да уж, самоуверенности не занимать. Огибаю тело Андрея и следую к лифтам. Слышу сзади себя смешок, но не реагирую. Посмотрим, кто еще будет смеяться последним.

В лифте я также игнорирую его, вставая максимально поодаль. Рассматриваю отражение в зеркале, свой свежий маникюр с бежевым лаком. Все вокруг, лишь бы не смотреть в его сторону. Поездка в лифте длится так долго, что я начинаю нервничать. Ощущаю его взгляд на своей щеке, и единственное желание, которое я испытываю — это спрятаться. Да что ему нужно то от меня?

Вот, пожалуйста, я без истерик и скандалов ухожу. Даю ему возможность быть с той, от кого у него ребенок. Быть счастливым. А он продолжает играть в игры, которые понятны только ему. Взгляды эти, касания. Для чего? Чтобы сделать мне еще больнее? Знает же, как сильно на меня это действует, и бесстыдно пользуется.

— Ты такая хорошенькая, когда злишься, — говорит он, и створки лифта как раз открываются. Оттягиваю воротник кофты, потому что становится невыносимо душно, и выбегаю из тесного помещения.

— Пошли в мой кабинет, — указывает на дверь справа. Ну, конечно, я в курсе, что это его кабинет. Вернее он занял целый этаж для себя любимого. Кроме него и его секретарши Лиды больше на этаже никого нет.

Хм, а интересно, Лида тоже его обслуживает? Скажем так в нерабочее время. Теперь всех женщин, что крутились вокруг Андрея, я воспринимаю, как его любовниц.

Мы проходим мимо стойки Лиды, она приветствует нас, натягивая самую широкую улыбку, которую я только видела. Андрей ей просто кивает, открывая мне дверь, я же коротко здороваюсь, юркая внутрь кабинета.

— Так, давай скорее свои документы, я подпишу и разойдемся? — сжимаю сумку в руке, теребя кожаный ремешок.

— Не так быстро, Ева. Для начала изучи договор, — он подходит к столу и кладет черную папку ближе к краю. Стукает пальцем по ней, приглашая меня присесть.

— Какой еще договор, Андрей? — начинаю нервничать. В закрытом с ним помещении находиться намного труднее, чем я предполагала ранее.

— А ты думала я просто так дам тебе развод? Просто позволю подписать бумажку и убежать?

— Да, — честно отвечаю. Я ведь правда так думала.

— Читай, — кивает на кипу бумаг в папке.

Падаю на стул, дрожащими руками беру листы в руки и начинаю читать. Внимательно вчитываюсь в каждое слово, чтобы не упустить ничего важного. С каждой строчкой мое

лицо все сереет и сереет, становясь подобием маски. Эмоций никаких, опустошение и неприятие.

— Это что? — еле выговариваю я, поднимая листы на уровни лица, — Это шутка?

— Какая шутка, Ев? Это договор. Только при его подписании, я дам тебе развод.

Его тон такой будничным и спокойным, что я на секунду думаю, что он шутит. Но нет. Не шутит.

— Тут написано, что после развода, на период всей беременности я должна жить в твоём доме и быть под присмотром, а также не имею право заводить никакие серьёзные отношения с другими мужчинами. Это прикол такой?

— Нет. Но надо сделать поправку, конечно. Речь не только о серьёзных отношениях, Ева. Никаких отношений с мужчинами, пока ты носишь под сердцем ребенка.

— Ага. А дальше что? Я могу уйти, а ребенок?

— Ребенок останется с тобой. Я же не урод моральный, — вижу как неприятен ему этот разговор, — Но на выходные я буду забирать его. И в отпуск тоже.

Ага, классно. Он будет ездить со своей любовницей и сыном в отпуск, а мой малыш будет все это видеть. Хотя так многие живут...

— Тогда к чему эти условности? Зачем мне жить с тобой?

— Потому что я хочу, чтобы ты жила в комфорте, хорошо питалась и заботилась о себе, пока носишь малыша. Где ты собралась жить Ева? На какие деньги?

Я планировала устроиться на работу и снять квартиру.

— Малышу нужна любящая и спокойная мама. В твоём доме я буду чувствовать себя как на войне. А твой сын? Он тоже будет жить с нами?

Вскакиваю со стула, ходя по кругу.

— Да, Дима останется. Но он тебя не потревожит, он спокойный мальчик. Насколько я знаю.

Что это значит? Насколько он знает...

— А любовница твоя?

— Какая?

— А! Так у тебя их много? Ну круто.

Слезы предательски рвутся наружу, но я сдерживаюсь. Не хочу, чтобы он видел меня слабой, хватит с меня жалости и слез.

— Ева, прекрати нести чушь. Нет никаких любовниц и не было никогда.

— Я видела тебя! Ты целовал её!

— Да мало ли что ты видела, — он повышает голос, раздражаясь.

— А сын? Через воздух появился?

— Диме пять лет, — рычит он, — И он был зачат до нашего брака, чтоб тебя налево. И узнал я о нём в тот же день, когда привел его домой. Ещё вопросы есть? Подписывай давай.

Я застываю, словно меня облили холодной водой. Все. Голова окончательно перестаёт функционировать, я теряюсь в

пространстве. Чувства захлестывают с головой, крутя вереницу мыслей по кругу. Я в каком-то кино, это точно не может быть моя жизнь.

— Андрей, — шепчу я, — А Оля? Ты целовал ее там... Она трогала тебя.

Мне так важно, чтобы он объяснил. Что Оля случайно вернулась в его жизнь, что он не искал с ней встречи. Что он ее не любит больше. Ну скажи это, пожалуйста. Не дай мне умереть внутри до конца.

— Все, разговор окончен. Надоело все. Ты подписывать договор будешь или нет?

Значит все-таки было что-то между ними. Он врет, я чувствую.

Дорогие мои, если вам нравится история, то я буду рада вашему лайку!

Спасибо за активность, очень ценю вашу заинтересованность))

Приятного чтения! ##

Глава 10.

— Что будет, если я откажусь подписывать развод на твоих условиях?

Глотаю ком горечи. Мышцы сводит от напряжения, я так сильно сжалась, что тело не может расслабиться даже на секунду. Смотрю в его глаза, пытаюсь найти ответы. Андрей смотрит исподлобья, буравя меня угнетающим взглядом. Он опирается руками о стол, нависая надо мной, как скала. На его фоне я выгляжу совсем дюймовочкой. Однажды я себя также чувствовала, но тогда я впервые с ним увиделась.

Это было лето. Стояла невыносимая жара, почти под сорок градусов. Все ребята ходили купаться на озеро, и только мне запрещали с ними гулять. Я сильно обижалась, но так как была примерной дочерью, то молчала. Всегда молчала, опустив голову. Всегда считала себя виноватой за любую провинность. Это сейчас начинаю осознавать, что мной манипулировали, также как делает Андрей. Пытается подчинить, сделать из меня молчаливую куклу. А я же живая. Я тоже нуждаюсь в любви, ласке, заботе. Во всем, что так нужно человеку.

Именно тогда, после очередного нагоняя от отца за непрочитанную вовремя школьную литературу, меня наказали. Все ушли на озеро, а я осталась дома. Как изгой. Хотя я в школе именно им и была. Девочки особо не хотели со

мною дружить, потому что меня не интересовала косметика и мальчишки, а мальчишки не дружили, потому что меня не интересовали они. Был только друг Коля, такой же отличник как и я. И то наше общение сошло на нет, потому что он не нравился отцу. А кто вообще ему нравился, кроме Андрея? И чем Валенский так покори́л моего отца? Меня то понятно чем.

Я решила тогда вылезти в окно и все-таки пойти на озеро. Да, впервые решила поступить так, как велело мое сердце. И уже перекинув ногу за оконную раму, я не удержала равновесие и бесстыдно полетела вниз. Благо второй этаж частного дома. Думала отделаюсь переломом, но упала я не на землю. А в крепкие, теплые руки. Подняла голову и пропала. Вот в тот момент поняла, что влюбилась.

Андрей поставил меня на землю, коротко улыбнулся и пошел дальше.

— Если ты хотела сбежать, принцесса, то план такой себе. У вас же тут повсюду камеры, — обернулся на секунду, насмешливым взглядом обводя территорию, и зашел в дом.

Я еще минут десять стояла и ловила ощущения. Тело словно мне больше не принадлежало. Оно снова хотело в эти руки, чтобы снова было тепло и уютно.

А потом на одном из светских вечеров, куда были приглашены мои родители и я в придачу, я увидела его. Порывалась подойти к нему, поздороваться, как-то пошутить. Сделать хоть что-то, чтобы обратить на себя его внимание. Но

там была она. Ольга. Она его прилюдно целовала, трогала. А я сгорала от зависти и от безответной любви.

Воспоминания тех дней ярко запечатлелись в моей голове. И вся совместная жизнь тоже. А сейчас я мечтаю, чтобы все это забыть. Вычеркнуть, сжечь, испепелить, уничтожить... Все. Лишь бы не свербило так, не нарывало.

От воспоминаний меня отвлекает голос Андрея. Он наклоняется еще ближе ко мне, почти выдыхая в лицо.

— Ев, как думаешь, с кем ребенку будет лучше? С безработной матерью, у которой нет жилья, или же с богатым и влиятельным отцом? М?

— Ты что? Шантажируешь меня нашим малышом? — я просто поражаюсь его наглости и беспринципности. Это гнусно.

— Нет, что ты, малышка, — его ласковое слово больше не звучит как мед для ушей, — Просто предупреждаю.

— Ты омерзителен, Андрей. Никогда я тебя не смогу простить. Ты даже не попыталась улучшить и без того шаткую ситуацию, а только делаешь все хуже, — словесный поток начинает выходить из меня, я не могу его контролировать, — Я же тебя так сильно любила. Все для тебя. Андрюша то, Андрюша се. А Андрюша что? Наплевал в душу, попрекает ребенком, заставляет, подчиняет. Ты думаешь, ты власть? Думаешь тебе все можно? А давай-ка, Андрей Игоревич, мы с тобой заключим пари? — наконец останавливаюсь, переводя дыхание.

Он скалится, обнажая свои идеально ровные белые зубы. Смотрит на меня с заинтересованностью.

— И что ты предлагаешь, Ева? — его лицо в миллиметре от моего.

— Я подпишу договор, если за время моего пребывания в твоём доме, ни одна твоя шлюха не появится даже в радиусе пяти километров. И я снова не увижу тебя где-то в общественном месте, сосущимся с бывшей. И если ты не выполнишь мое условие, я в этот же день покину твой дом. И ты аннулируешь договор!

— Да легко, — он отвечает так быстро, что мне кажется, он даже не осмыслил, что я сказала.

— Уверен? — для убедительности переспрашиваю.

— Всегда, — он с рыком обрушивается на мои губы, кусая их. Я брыкаюсь в тисках его рук, бью по плечам, спине, животу. Но этой скале хоть бы что. Терзает меня, ласкает. И, конечно, тело отзывается. Сразу же. Но я не сдаюсь, продолжая отталкивать. Зачем он это делает? Нельзя так с живым человеком поступать... Нельзя.

— Заводит меня, Ева, твоя дерзость. Просто кошка, — отрывается от моих губ.

— Условие номер два, — шиплю как разъяренная фурия, — Никогда меня больше не касайся.

— Этого обещать не могу, — разводит руки, обходя стол и садясь на свое место.

Хватаю ручку и подписываю злосчастный договор. Выбор

невелик. Остаться с ним на одной территории, зато с ребенком. Или без всего.

— Уж постарайся держать свои клешни при себе, Андрей. Воздержание тебе не повредит. Видимо сперма затопила твой мозг.

Кидаю ручку с грохотом на стол, и взмахнув волосами, гордо вылетаю из кабинета.

А сама в шоке от себя бегу в туалет, чтобы умыть лицо холодной водой. Это точно я сейчас была? Такая дерзкая, яркая, смелая... Мне понравилось.

Главное больше не позволить этому козлу касаться меня. Ни-ко-гда.

Дорогие, воскресенье выходной, продолжение в понедельник!) Всем классного отдыха!

Глава 11.

Звоню в дверной звонок, жду, когда мне наконец-то откроют. Неужели дома никого нет? Да нет, я не могла ошибиться. Мама всегда в это время готовит ужин, а отец еще должен быть на работе. Спустя пару минут, дверь все же открывается. На пороге стоит мать, вытирает мокрые руки о полотенце, недоуменно смотря на меня. Ее реакция понятна, за все эти дни я так и не подняла трубку и не ответила ни на одно сообщение.

— Евушка, а ты как тут? — она слегка запинается на полуслове, разводя руки в стороны.

— Нужно поговорить, — безапелляционным тоном отвечаю ей, входя в дом. Она отодвигается в сторону, освобождая мне проход.

Дома все также вкусно пахнет маминой выпечкой, кажется это штрудель с яблоками и тыквой. Ноздри заполняет сладковатый запах с нотками корицы, я тут же окунаюсь в детство, когда не было проблем и забот. Было все легко, весело и непринужденно. А сейчас... А что сейчас? Еще несколько дней назад все было хорошо...

— Будешь ужинать? — она ласково шепечет.

— Нет, только чай, если можно.

Она тут же кивает, наливая в красивую чайную пару ароматный байховый чай с мелиссой. Мой любимый.

— Отец скоро вернется?

— Через час где-то, — пододвигает ко мне пиалу с печеньем, — Штрудель еще не готов, — виновато опускает голову. И в этом вся мать.

Раньше ее эта робость и покорность вызывали у меня уважение, сейчас я испытываю жалость. Маму я люблю, но не вижу в ней той сильной личности, которую видела раньше. Потому что она никогда ею не была, она всегда так пресмыкалась перед отцом. И меня такой же воспитывали, только я вот не хочу так. Больше не хочу. Оказывается, тебе могут сделать больно, могут твое доверчивое сердечко порвать на куски. Тогда к чему весь этот цирк с покорностью, если все равно не оценят...

— Отлично, значит, у нас есть время. Не хочу его видеть.

— Дочка, ну зачем ты так?

— Мам, не нужно причитать, — торможу ее, — Я реально по делу.

Она аккуратно складывает руки на коленях.

— Ты прости, что грублю, — смотрю на родную женщину и немного начинаю оттаивать, — Просто нервы сдают. Мам, ты знаешь реальную причину, почему тогда три года назад Валенский пришел к отцу и изъявил желание жениться на мне?

— Ну как же, ты ему приглянулась, он видел твою заинтересованность в нем. Поэтому так все сложилось.

Ха! Заинтересованность... Нет, это была большая всепо-

глощающая влюбленность.

— Мам, я говорю про реальную причину, а не про сказку, что отец и Андрей мне впарили.

Она кривит лицо от моих словесных выражений, но на агрессии вся гадость из меня вылезает. Я всю жизнь себе за-прещала все. Даже бранное слово сказать. Ева держи осанку, Ева ешь аккуратно, используя не только вилку, но и нож. Ева, нельзя сербать суп, приличные девочки так не делают. Ева, говори и смейся тише, ты же в приличном обществе находишься. Таких вот "Ева..." я могу перечислить тысячу. И мне больно, что из меня лепили непонятно кого. А где я настоящая?

— Не знаю, Ев, о чем ты говоришь, — она пожимает плечами, — Это и есть реальная причина.

Либо она не хочет говорить, либо она и правда не знает. Скорее второе.

— Мам, а тебе нравится твоя жизнь? — резко задаю вопрос.

— Ну, конечно! У меня замечательная дочь. Мне нравится наш дом, твой отец уважаемый человек.

— Мам, что-то счастья в твоих словах вообще нет. От слова совсем. А ты сама о чем мечтала? Ну хоть раз!

— Ты знаешь, Ев, я знаю, куда ты клонишь, — она расстроено качает головой, — Но я и правда счастлива с твоим отцом. Он многое для меня сделал. Да, он не ласковый человек, но я его очень уважаю.

— А любишь?

— А любовь... Это такое дело, понимаешь..., — она мнется с ответом, — Погоди, сейчас покажу.

Родительница спешно покидает кухню, оставляя меня наедине. Через минуту уже возвращается с альбомом, старым таким, прямоугольной формы и обшитым красной бархатной тканью. Внутри черно-белые фотографии, закрепленные выемками по бокам в виде прорезей в толстой картонной бумаге.

— Смотри, это Леня, — она приглаживает потрескавшуюся со временем фотографию молодого человека в форме, — Это моя первая любовь. Мой Ленечка, — от ее слов по телу пробегают мурашки. То, как она произносит имя этого человека заставляет сердце сжиматься.

— Мы с ним познакомились, когда я еще была на первом курсе, а он тогда уже заканчивал летное училище. Такой весельчак был, балагур. Сразу подошел ко мне и сказал, что его буду. Так и случилось, влюбились до беспамятства. Свадьбу планировали

Я замороженно слушаю мамин рассказ. Никогда ранее я не слышала об этом и всю жизнь думала, что папа мамина первая любовь.

— А потом он разбился на самолете во время одного из учений, я там умерла вместе с ним, Ев. Поэтому на всю жизнь запретила себе любить.

— А как же папа? — шепчу я.

— А папа взял меня сломленную, убитую горем. Сказал, что негоже красивой девушке слезы пускать, — она вытирает уголки глаз носовым платочком, — Ну и поженились мы как-то. Жили всегда хорошо. Потом ты у нас появилась.

— То есть ты отца не любишь, мам? И никогда не любила? Мне горько это слышать. Я жила всю свою жизнь в иллюзиях.

— Ев, послушай, любовь не всегда основа хороших отношений. Можно любить и страдать, а можно быть в тылу, под сильным мужским плечом. Я правда уважаю твоего отца, ценю все то, что он сделал. Но то, как я любила Леню, я так наверное никогда больше никого.. Ну ты поняла.

— Мам, а если тебе твой любимый человек сделал очень больно, вставил нож в спину. Нужно уходить?

— Ты про Андрея? — она задумчиво закусывает губу.

— Про него.

— Отец против вашего развода, это я тебе честно скажу. Да и сам Андрей, как я понимаю, тоже не в восторге от этой идеи.

— А ну этот то понятно, удобно же, когда пресмыкающаяся жена рядом, а где-то там куча любовниц, — завожусь с полоборота.

Упоминание этого изменщика вызывают бурю эмоций. Негативных.

— Думаю не все так просто, как ты думаешь. Поговори с мужем, честно и открыто.

— Не хочу я с ним ничего обсуждать. У него было время сказать правду, но он предпочел унижить меня и ставить свои условия. Теперь пусть не удивляется, что слушать его я не хочу.

— Смотри сама, — она не настаивает, закрывая альбом.

Я хочу ей рассказать про беременность и про сына Андрея. Но входная дверь хлопает, и я слышу грузные мужские шаги. Отец.

Глава 12.

Я вскакиваю со стула и попутно хватаю свою сумку, разочарованно смотрю на маму, качая головой. Нет, с отцом я точно видеться не хочу, это не тот человек, с которым я готова сейчас разговаривать, да и в целом ввести какой-либо конструктивный диалог. Я знаю, что он начнёт на меня наседа́ть, манипулировать, скажет, что я не права, что решилась на развод. И ничего путного из этого разговора не выйдет.

Мне кажется, в этом доме у меня нет союзников, даже мама несмотря на то, что она ласкова и добра, все равно по большей части встанет на сторону отца, а следовательно и негласно на сторону Валенского. Поэтому единственный верный способ — это сбежать.

Я бегу к заднему входу, который ведет во двор, но на повороте врезаюсь в тумбу, задевая ее боком. Ваза, стоящая на тумбе, начинает крениться вбок, пошатывается, делая три оборота вокруг своей оси, и со звоном падает на пол, разбиваясь на мелкие осколки. Я не успеваю ее подхватить, так как начинаю нервничать, и руки не слушаются.

Отец тут же появляется в проеме, смотрит на меня, хмуря брови. Я тяжело вздыхаю под его взглядом, понимая, что бежать дальше крайне глупо.

— Дочка, что ты здесь делаешь?

— О, да, привет, пап! Тоже рада тебя видеть, — сарказм

так и прет из меня, — Ничего особенного, просто зашла проведать мать.

Стараюсь выглядеть непринужденно и говорить будничным тоном, чтобы он не заметил моего смятения.

— Почему трубку не берешь? — пропускает мимо ушей мою иронию, — Мы тебе звонили и писали много раз.

— Ну раз не брала, значит не хотела.

— Ева, прекрати ерничать. Останься на ужин, поговорим с тобой. Мы с мамой скучали, — он говорит это таким сухим и безэмоциональным тоном, словно для справки, а не потому что действительно скучал. Меня это задевает.

Есть хоть один в мире человек, которому я искренне интересна и нужна?

— Я не хочу, пап, разговаривать и обсуждать что-либо. Мы разводимся с Андреем.

Обхожу дугой осколки и двигаюсь в сторону двери.

— Стой! — прикрикивает отец, — Не спеши уходить. Давай все обсудим.

— Ну что тут обсуждать, пап? Он изменил мне, растоптал меня, мою гордость. А мои родители даже не поддержали меня, — начинаю закипать, повышая голос. На мой крик выходит мама, она жметя к дверному проему, обеспокоенно смотря то на меня, то на отца.

Конфликты в нашей семье — редкость. Обычно тут никто не повышает тон и не спорит. Потому что отец всегда прав. Но больше молчать я не вижу смысла, я не согласна с их по-

зицией, и я в кой-то веке хочу за себя постоять.

— Ева, ты ведешь себя как ребенок, — отец разочарованно качает головой, — Вместо того, чтобы принимать поспешные решения, нужно было хотя бы подготовить почву для ухода. Ты подумала, куда ты пойдешь? Чем будешь заниматься? Как дальше строить свою жизнь?

— Я рассчитывала на вашу поддержку!

— В этом мире можно рассчитывать только на себя, а если бы со мной и матерью что-то случилось, куда бы ты пошла?

— Если бы да кабы... — передразниваю его.

— Ну вот, результат на лицо, — он указывает рукой в мою сторону, — Ребенок самый настоящий.

— Пап, да не ребенок я. Просто мне не каждый день изменяют, чтобы сразу принять правильное решение и сделать все верно. Я же случайно об этом узнала, увидела их в торговом центре. Они целовались! — кидаю сумку на пол, — Он был с ней, он трогал ее, врал мне, что в командировке. Разве любящий человек так поступил бы? Он не любит меня, пап. И вот это вот самое большое предательство, от этого больнее всего.

— Ева, он тебе и не обещал любовь до гроба. Ты вспомни, как вы поженились. У вас были взаимовыгодные условия, — отец осекается, ловя мой заинтересованный взгляд.

Какие еще такие условия?

— Пап, — начинаю медленно идти в его сторону, — О чем речь?

— Ничего особенного, — кажется, он случайно проговорился и пытается выкрутиться.

— Какие такие условия? — щурю глаза.

— Ева, я не могу сказать, спроси у Андрея.

— Ты мне отец или кто? Скажи мне правду!

— Не могу, — пожимает плечами, — Это не моя правда.

Я обессиленно падаю на пятую точку, соприкасаясь с холодным кафелем. Руки роняю вдоль туловища, сил спорить нет никаких. Я так устала от интриг, скандалов. Хочется тишины и покоя. Ребенок в животе уже достаточно натерпелся говна за эти дни, а я чувствую, что он все слышит. Даже будучи таким крохотным. Он уже знает, как мне тяжело.

И ребенок это единственное, что держит меня на плаву. Аборт я делать не хочу, мне страшно убивать собственное дитя. У меня просто рука не поднимется, как было сложно не было.

— Доченька, встань с пола. Тебе же еще детей рожать, — мама наконец отмирает, подбегая ко мне.

— А я уже, мам. Я беременна, — бесцветно сиплю.

— Ох, — она прикладывает руки к груди, смотря на отца, — Ты слышал, Саша? Евушка ждет ребеночка.

Столько в ее тоне радости, что я сама на секунду приподнимаю уголок губ. Да, малыш, я тебя очень жду и люблю.

— Отличная новость. Может общий ребенок заставит тебя взяться за голову и решить все вопросы с мужем, — отец все еще безэмоционален.

Ловлю себя на мысли, что и муж такой же. Я просто влюбилась в человека, похожего на моего отца. Девочки часто берут за прототип своей любви отцовскую модель, и я не исключение. Андрей также рационален, отстранен и холоден. Один в один.

И сейчас мне это совсем не нравится. Я хочу тепла, заботы, ласки и любви.

Глава 13.

Мы молча сидим в обеденном зале, слышны только сторонние шумы со двора и постукивание столовых приборов о тарелки. Мне дискомфортно под пристальным взглядом отца, он периодически смотрит в мою сторону, нахмутив брови. Словно обдумывает что-то. И мне это не нравится. Я не могу доест злосчастную порцию отбивной с рисом, потому что из-за напряжения кусок в горло не лезет. И я переживаю, что нормально не ела с того дня, как узнала об измене мужа. Головой понимаю, что нужно заставить себя хорошо питаться, потому что ребенку необходимы витамины и здоровая мама, но организм словно отвергает еду.

— Доченька, тебе не вкусно? Давай я подогрею что-нибудь другое. Там есть овощное рагу, — мама волнуется за меня, старается угодить. Мне приятна такая забота, хоть кому-то стало до меня не все равно. Но тошнота подбирается к горлу, и я откладываю вилку в сторону, мотая головой.

— Нет, мам, аппетита совсем нет, — прикладываю руку к губам, ощущая сильную тошноту.

— Детка, у тебя наверно токсикоз.

Наверно. Или на нервной почве организм стал буйствовать, что очень сильно расстраивает.

— Женщины, — гаркает отец, — Не портите аппетит. Обсуждайте свои женские штучки вне стола.

И так всегда. Если отцу что-то не нравится, он обязательно об этом скажет, и укажет тебе свое место. Мне обидно, что он говорит о моем состоянии, как о чем-то, что его не касается. А ведь он отец... Разве папы не любят своих девочек?... Разве они не заботятся о своих дочках, как о принцессах?...

— Спасибо за ужин, я поеду, — коротко улыбаюсь, чтобы не обидеть мать. Она все же старалась.

— Нет, ты никуда не поедешь, — он снова повышает голос. И венка на моей шее начинает пульсировать, так сильно я стрессую, — Во-первых, мы не поговорили, а во-вторых, тебя заберет Андрей. Я позвонил ему.

Досадно стону, больше не сдерживая себя. Откидываю салфетку, что лежит на коленях, в сторону. Вскрикиваю, отчего ножки стула противно скрипят о кафельный пол. Отец замирает, вопросительно смотря на меня.

— И что это за закидон сейчас был?

— Зачем ты ему позвонил? — начинаю повышать голос. Вижу боковым зрением, как мама опускает голову. Сейчас будет разбор полетов.

— Потому что он твой муж! И пусть он тебя забирает из отчего дома, как полагается в нормальной семье.

От его слов меня пробирает истерика, смахиваю слезы в уголках глаз. Так сильно я давно не смеялась.

— Какая еще нормальная семья? Ты себя слышишь? Отец тиран, мать прислуга, муж изменщик. Вы тут все с ума посходили?

Я очень сильно повышаю свой голос, замечая как багровеет отцовское лицо. Мне стыдно, что я задела маму, но по факту, я сказала правду. Она пресмыкается перед отцом уже двадцать три года. Она живет по его правилам, все делает по его указке. И мне жаль, что она не знает, что такое свобода. Андрей мне давал больше свободы, чем отец. Но все равно контролировал меня. Не разрешал работать. Ну как не разрешал... Приводил доводы, как мне казалось на тот момент, обоснованные, почему я не должна работать. Это сейчас я понимаю, что он просто манипулировал. Тогда же я думала это была забота. Ох, как много открытий в моей жизни произошло за такой короткий промежуток.

— Ева! — он ударяет по столу, — Ты переходишь все границы разумного! Сейчас же закрой рот!

— Нет, — не раздумывая, перечу ему.

Он вскипает, рычит. С грохотом поднимается, ставя пальцы ладоней на стол. От веса его тела, пальцы белеют.

— Хамка! — кричит, — Кем ты себя возомнила? — он подходит ближе.

Я не успеваю отреагировать, как тяжелая ладонь приземляется на мою белую нежную кожу щеки. Вздрагиваю, осознавая, что отец меня ударил. Голова отлетает немного вбок от силы удара. Сбоку слышу возглас матери. Слезы тут же кажутся вниз. Это унижительно, это больно. Это адски несправедливо.

— Что здесь происходит? — слева от меня слышится рык.

Я не знаю, как он здесь оказался, как он зашел в дом. Но я вижу Андрея в ярости. Он стоит у входа в зал, в идеально выглаженном темно-синем костюме, черная рубашка распахнута сверху, оголяя волосатую мощную грудь, где слегка виднеется золотая цепочка с крестиком. Поднимаю заплаканное лицо и смотрю на мужа. Почти бывшего мужа.

— Воспитываю дочь, — отрезает отец, — Раз ты не смог донести до нее, что так нельзя с отцом разговаривать.

— Кажется, время для воспитания давно прошло. Ева уже взрослая девочка, — она как лев движется в мою сторону.

То я ребенок, то я взрослая... Они могут уже определиться?

— Всему есть предел. Я не позволю поднимать руку на мою жену. Да в целом на женщину. Прошу впредь так не делать, — он не вступает в открытый конфликт с отцом, но предупреждает его.

— Ты меня еще поучи, Валенский. Она все еще моя дочь!

— И моя жена! — не уступает Андрей.

Касаюсь плеча мужа, совсем невесомо, но он чувствует меня.

— Не нужно. Просто отвези меня к Марине, — тихо шепчу.

Просить его — сродни унижению. Но сесть за руль в таком состоянии с учетом моих навыков вождения — еще большая глупость. Я могу подвергнуть риску не только себя, но и ребенка. А такси загород ждать от получаса. Единственный

выход — это Андрей. Лучше терпеть его присутствие, чем еще на секунду задержаться в этом доме.

Андрей кивает, берет меня за руку. Но я тут же ее выдергиваю. То, что я попросила об услуге, не значит, что все забыто. Нет, никакого зеленого света. Разводу быть.

Он оставляет мой жест без комментария, но недовольно морщится. Мне плевать, пусть только отвезет меня уже отсюда.

— Доченька, мне жаль, — мама тоже плачет, целуя меня в красную щеку, — Прости, — она шепчет мне в самое ухо, чтобы не услышал отец. Я обнимаю ее в ответ. Она слаба перед его тиранией, и я не хочу ее винить. Она жертва.

А вдруг он тоже ее бьет? Просто я об этом не знала. И мне становится совсем тошно. Он же никогда не позволял себе рукоприкладство, что же с ним стало...

— И ты меня прости за прислугу.

Я отпускаю маму из объятий и бегу на выход. Андрей еще остается в доме, не знаю, о чем они там разговаривают. Но мне тошно там находиться. Сажусь в его БМВ, хлопая дверцей. Раньше, я бы не позволила такую вольность, аккуратно бы закрыла даже в порыве эмоций. А сейчас плевать. На все.

Кроме себя и ребенка. Я хочу наконец позаботиться о себе, о своих чувствах, и о своем ребенке.

Глава 14.

Андрей приходит слегка взбешенный, заводит двигатель и резко стартует с места, переставляя режим автомобиля на спортивный. Он прибавляет скорость, крепко сжимая руль. Смотрит вперед, молчит, слышно только его дыхание из раздувшихся от злости ноздрей. Я вжимаюсь в сиденье, сцепляя руки на коленях. Мне не по себе. Когда стрелка спидометра достигает ста сорока километров в час, я вскрикиваю.

— Сбавь скорость!

Мне страшно. Я знаю, что Андрей высококлассный водитель, что всегда контролирует ситуацию, но уровень моего доверия к нему ничтожно мал. Оттого и тревожность рядом с ним вырастает. Он косится в мою сторону, непонимающе сводя брови к переносице. Да, я никогда ему не делала замечаний, но сейчас все изменилось. Я больше не услужливая девочка, которая намерена молчать, если ей что-то не нравится.

— Андрей, я беременна, — напоминаю ему, — Если тебе плевать на меня и ребенка, то мне нет! Сбавь скорость! — я даже не понижаю тон, продолжая кричать.

Он тушует под моим напором, но все же сбавляет скорость. Как только стрелка спидометра останавливается на отметке девяносто, я начинаю более менее размеренно дышать. Выдыхаю, вытирая влажные ладони об одежду. Отво-

рачиваю голову в сторону окна, наблюдая как мимо пролетает пейзаж серого леса. На улице уже темно, поэтому я могу четко видеть в окне свое отражение и свет от приборной панели.

— Ева, — Андрей зовет меня, но я игнорирую. Что ему нужно?

— Повернись, — приказывает, но голос не повышает. Уже и на том спасибо.

Нехотя поворачивая голову в его сторону, но не до конца. Лениво так и пренебрежительно. Молчу, не желая отвечать.

— Он тебя больше не тронет, — неожиданные слова вылетают из его рта, — Это был первый и последний раз, когда он тебя ударил.

Смеюсь, коротко улыбнувшись. Но нет, это точно не улыбка счастья и благодарности.

— Защищаешь меня? — скептически утверждаю, — А от тебя меня кто защитит?

— Перестань, — прерывает, — Я не причиню тебе вреда.

Мои слова его задевают, я слышу в его голосе обиду. Он не верит, что я боюсь его. А я теперь всех мужчин боюсь. Потому что раньше отец меня не бил, а муж не изменял — у меня было пространство для доверия. Сейчас его нет. Два самых близких мужчины, в ком я видела защиту и авторитет, почти одновременно нажали на курок и выстрелили мне прямо в сердце. Не знаю, что они ожидали от меня. Но сердце продолжает работать, хоть и с большими перебоями.

— Когда у нас развод? Я могла бы сама заняться бракоразводным процессом, если тебе тяжело или нет времени. Договор я подписала, чего мы ждем?

— Ева, — он щурит глаза, отчего они становятся очень узкими, но я все равно вижу черноту внутри. Неужели он думал я передумаю? Перебешусь? Неа, не выйдет.

Сегодняшняя ситуация внутри семьи была показательной. Вот что со мной будет, если я останусь в браке с подобием моего отца. Я стану такой же как мама. А я не хочу пресмыкаться. Не хочу всю жизнь ходить на цыпочках, боясь сделать что-то не так. И я правда хочу, чтобы меня и ребенка любили и заботились.

— Андрей, я понимаю, ты думал девочка взбунтовалась, перебесится да вернется, — качаю головой, — Но нет. Не вернусь. Я даже готова остаться с тобой под одной крышей на время беременности, лишь бы ты потом исчез навсегда.

— Ты несешь чушь!

— Думай как хочешь, — пожимаю плечами. Внутри все еще болит, но с каждым разом боль притупляется, а рубец затягивается.

— Я не верю, что ты так быстро меня разлюбила, — он хитро скалится, — С таким обожанием заглядывала в рот и резко перестала? Ева, ты можешь пытаться обмануть себя, но меня не выйдет держать в дураках.

— О, какая самоуверенность, Валенский! Браво. Есть чему поучиться. Только вот знаешь, есть маленький нюанс...

Совсем крохотный.

Конечно, я иронизирую. Ситуация патовая. Я еду с любимым мужчиной в машине и обсуждаю то, когда же мы наконец расстанемся. Когда перестанем быть мужем и женой. И какую бы я маску не надела, Андрей прав. Любовь так быстро не проходит. Просто у нее привкус стал другой, горький, с тухлятиной. Мерзкий. Словно ты ешь любимое блюдо, но срок годности закончился. Оно все еще любимое, но есть невозможно. Как и наш брак. Он все еще есть, но конец неизбежен.

— Ну и какой же? — Андрей делает заинтересованный вид.

— Мне теперь недостаточно просто любить, я хочу, чтобы мужчина рядом со мной сгорал от желания и любви ко мне. Чтобы боялся потерять. А ты, увы, никогда не боялся остаться без меня. И мне жаль, что я так долго тешила себя иллюзиями идеального брака. Ты же любил Андрей когда-то, а может и сейчас любишь. Должен меня понять. Наверное...

— О, Ева! Я знал, что ты та еще сказочница. Но чтобы настолько, даже не представлял... Ну хорошо, допустим я любил. И куда меня эта любовь привела, посмотри! — он обводит салон машины рукой, — Правильно, — щелкает пальцами, — В жопу. Любовь — это абстракция. Сегодня она есть, завтра нет, послезавтра опять есть. И так по кругу. А стабильность... Она, понимаешь, всегда надежнее. Всегда залог прочного фундамента. Так вот, когда у меня стал выбор

между любовью и стабильностью, я выбрал второе.

Его слова ранят, настолько сильно, что я еле сдерживаюсь от жалостливого стога.

Оля — любовь, я — стабильность.

— И тем временем, ты к ней побежал спустя три года стабильности? — он сам себе противоречит, — А знаешь почему? Потому что не смог без нее. Какая вероятность, что ты снова не сбежишь?

— Ева-Ева, — качает головой, — Ты ничерта не знаешь. А рассуждаешь так, словно в моей шкуре побывала.

— Ну правильно, если бы ты умел разговаривать ртом и объяснять, возможно, у нас бы сложился адекватный диалог.

— Не перегибай палку! — начинает рычать. Да, я себе раньше не позволяла так с ним разговаривать.

— Андрей, ты так и не ответил на главный мой вопрос. Когда развод? — давлю на своем. Нет, сбить меня с толку не получится. Хватит уже в эти игры играть.

Он оставляет мой вопрос без ответа, сворачивая на главную дорогу.

— Хорошо, значит я сама займусь этим вопросом. Раз ты не в состоянии решить, — быю по больным точкам. Я знаю, что его это задевает. Потому что я проезжаю по мужскому самолюбию.

Отмечаю, что он поворачивает на проспект Вернадского. А путь к дому подруги пролегает точно не по этой дороге. Понимаю, что он четко едет по протоптанному пути к дому.

Мы всегда так возвращались от родителей.

— Андрей, я хочу к Марине! Разворачивайся!

— Нет, — спокойно парирует, продолжая ехать прямо.

Ненавижу...

Глава 15.

POV Андрей.

Кошусь в сторону жены, как ни крути, но она красавица. Причем красота ее другая, не бросается в глаза, не заставляет желать повертеть в разных позах и оттрахать до смерти. Такое я уже проходил с Ольгой. Мне хватило сполна.

Ева же другая. Нежная, хрупкая, как статуэтка. Глазки большие, порой наивные, руки тонкие, с красивыми длинными пальцами и короткими ноготками. Очень правильная девочка, бывает скучновата. Но для семьи самое оно. Но последнее время прям обнажает клыки, рычит. Глупая. Все равно же любит.

Всегда любила. Я же все прекрасно видел и понимал, как смотрела доверчиво, как глазки горели при каждой встрече. А уж как легко отдалась в нашу первую брачную ночь, с таким доверием, что я аж охерел. Словно навсегда мне себя подарила. Свое тело, душу.

Знаю, что обидел ее сильно своим молчанием. Но пока я сам не разобрался, объяснять ничего не намерен. И вообще ее недоверие немного раздражает. Я понимаю, что многое из того, что она видела и слышала — вызывает вопросы, но вот так рубить с плеча тоже неправильно. Хотя маленькие глупые девочки всегда ведутся на эмоции.

— Андрей, останови эту чертову машину! — кричит так,

что перепонки начинают вибрировать. Ненавижу, когда женщины истерят. Их этого вообще не красит.

— Ева, ты подписала договор?

— И что? — огрызается чертовка, зеленые красивые бэмби-глазки сужаются.

— Время возвращаться домой, — пожимаю плечами. Я видимо далеко не самый хороший человек, раз мне так нравится выводить на эмоции эту девочку. Хотя под сердцем скребет, она все же будущая мать.

— Евка, — как-то по-свойски обращаюсь к ней, — Прекращай истерику.

— Андрей, правда, смотрю на тебя и не понимаю, как я могла полюбить такого уроды как ты...

Ее слова задевают, не сильно, но внутри дергается маленький червячок досады. То, как любила меня Ева, меня никто не любил. Хотя в какой-то момент меня эта любовь начала душить. Идеально все как-то стало. Со всем соглашалась, не вступала в конфликт, в рот заглядывала, кротко улыбалась. Даже в постели услужливая, открытая и доверчивая. Никогда не проявляла инициативу. Сначала это доминирование над ее неопытностью и наивность жутко возбуждало, член колом стоял постоянно, а потом стало пресно и скучно.

Заезжаю на подземный паркинг, ставлю свою крошку на место А38. Рядом пустует место для ее машины, надо будет попросить пригнать ее обратно. Хоть Ева и не ездит почти за рулем, все же все вещи должны быть на своих местах. Смот-

рю на ее руку, которая поглаживает живот. Еще плоский. Но она с такой заботой это делает, что на секунду засматриваюсь.

Мне тяжело. Я всегда к детям относился как к инвестициям в будущее. В целом с этой целью и женился. Чтобы было хорошее потомство, продолжение рода. Но особых глубоких чувств я не испытывал и не испытываю. Отцовство для меня — это вложение денег, дать хорошее образование, обеспечить подспорье для комфортной жизни. А вот эти сюсюканья, целования в попку... Не, не мое. Для этого есть мать. Думаю Ева справится с этой задачей на все сто, не то, что... Ай, ладно, не хочу про эту дуру даже вспоминать. Хотя иногда приходится. Ибо ее маленькая копия, он же мой сын, живет теперь со мной. Странный пацан. Тихий, замкнутый, как-то нелюдимый. Социофоб что-ли. Хотя с такой мамашей и не таким станешь.

Черт, надо сына то навестить в больнице. Сына... Смакую это слово, никак не могу привыкнуть.

— Андрей, где мальчик? — спрашивает Ева, как только мы заходим в квартиру. Внутри звенящая пустота, ни одной живой души.

Она словно читает мои мысли, напоминая мне о моей оплошности. Я уже два дня его не навещал. Он там под прищотом, куча всяких нянечек, но наверно... Наверно, мне стоит все же зайти к нему, как-то попробовать поболтать. Хер знает как это делается правильно. Мальчишка никак не

трогает меня, и только давящая нутро ответственность, заставляет меня что-то делать.

Да, я черствый. Ну какой есть. Каким воспитали.

— В больнице, — коротко отрезаю.

Она как-то тушует, опускает голову вниз и тихо спрашивает, что с ним случилось. Вину что ли чувствует, что не поехала тогда со мной? Ну вообще она была права, ему бы она не помогла тогда.

— Перитонит был, сейчас все в норме. Под присмотром.

Ева дергается, вздрагивает словно током ударило.

— Боже, бедный малыш, — качает головой.

Ее эта сердобольность подстегивает. Любит всех жалеть, дай ей волю в доме бы и кошечки и собачки с улицы поселились. Мне вообще это чувство чуждо.

— С ним уже все в порядке, — успокаиваю ее, — Пошли покажу твою комнату. Я попросил, чтобы ее оборудовали под тебя. Всякие штучки там для беременных.

Открываю бывшую гостевую комнату. Я не идиот, Ева в нашу спальню не вернется. Поэтому решил выделить ей отдельную комнату.

— Хм, мило, — осматривает новое жилье, проходя вглубь комнаты.

— Ок, я тогда пойду поработаю немного. Приготовь ужин, — команду по привычке.

— Нет, — слышу ее резкий ответ в спину.

— Что?

Она сейчас серьезно?

— А что тебе непонятно? По твоему же договору я тут живу, а не прислуживаю тебе. Хочешь есть, — указывает на дверь, — Пожалуйста, обслужи себя сам.

Вот сучка! Закипаю внутри, кровь нагревается, бежит по венам. Не могу понять, меня больше заводит ее дерзость или бесит?!

Хлопаю дверью со всей силы, вылетая из комнаты. Телефон в кармане вибрирует, кто-то настойчиво пытается со мной поговорить.

— Да, — рявкаю в трубку.

— Андрей... Игоревич, — миловидный голос заикается в трубке, еще больше раздражая мое и так испорченное настроение, — Тут это. Тут какая-то странная женщина рвется в палату к Диме.

Блять! Начался очередной цирк.

Глава 16.

POV Андрей.

Я понимаю, что мне нужно ехать в клинику и разгребать то дерьмо, что устроила одна неуравновешенная психичка. А по-другому эту полоумную не назовешь, у нас с ней были определенные договоренности, которые она решила не выполнять. И меня это жутко злит. Мало того, что на мне ребенок, о существовании которого я не знал и который лежит в больнице, плюсом беременная жена, которая требует развод. Еще и эта вдобавок.

Коротко сообщаю Еве, что уезжаю по делам. Она почти никак не реагирует, просто кивает и удаляется в сторону кухни. Ее игнор хуже, чем истерика. Но разберемся с этим позже.

Вылетаю из квартиры и несусь в паркинг. Время идет не на минуты, а на секунды. Потому что я хер знает, что может учудить эта сумасшедшая. Пока мчу в клинику к Диме, набираю Костяна. Своему заму, а по совместительству близкому другу, я доверяю как себе. Он никогда меня не подводил, всегда был на моей стороне. Мы начинали вместе, правда я оказался чуть более хватким, и пока Костик сиськи мямл, я начал строить свою империю. Всегда любил риск, это особый кайф и адреналин. Даже если теряешь, поставив много, то всегда потом поднимаешься с большим выигрышем.

Мне никогда не было страшно заключать крупные сделки, брать заказы, которые казалось бы невозможно выполнить. Потому что в моем словаре нет такого слова как “невозможно”. В моей жизни все возможно.

— Костян, здаров, — кручу руль одной рукой, другой прижимаю трубку к уху, — Можешь забрать машину Евы от ее родителей. И купить продукты, завезти ко мне. А то там Евка, а в холодильнике мышь повесилась.

Привезти жену сегодня домой была спонтанная идея. Если честно, то эгоистично, не захотел ее отпускать, хотя спокойно мог отвезти к подруге. Держать при себе — это способ контролировать. А контроль я люблю.

— Да без проблем, Андрюх. А ты сам куда? — интересуется друг.

— Бля, не поверишь, — недобро усмехаюсь, загорается красный, и я торможу, устало потирая лоб, — У меня там такой цирк происходит. Ольга сбежала и приехала в клинику к Диме. Требуется, чтобы ее пустили к сыну. А я вот еду это все разгребать.

— А как она сбежала то? — хороший вопрос. Потому что я сам хер знаю, как она это сделала. И намерен разобраться с этим вопросом. Нужно принимать кардинальные меры, иначе это будет повторяться постоянно.

— Понятия не имею. Ладно, давай, я погнал, — жму на педаль газа, когда загорается зеленый.

Прощаюсь с Костяном, пролетаю два проспекта и уверен-

но сворачиваю во дворы, где располагается частная клиника, куда я попросил, чтобы определили сына. Как Ольга узнала, где он... Еще один вопрос. Это просто невозможно. Если ей правда никто об этом не рассказал. Хотя, кроме меня, Аллы и Костяна никто и не знает где Дима. Мать не стала бы говорить с Ольгой, хотя бы потому что она ее терпеть не может, а во-вторых они никогда и не общались особо. Костян? Да не, никогда в жизни. Остаюсь только я. Но я точно в бреду не был, чтобы сообщать бывшей такие подробности.

Других вариантов нет.

Залетаю на третий этаж, где располагается палата сына. Уже краем глаза ловлю худощавую и сухую фигуру бывшей. Она сидит на полу и рыдает, так громко, что содрогаются стены и звенят окна. Раньше бы я с ума сходил от ее слез, всегда мной манипулировала с помощью них. Сейчас — похер. Знаю все ее уловки, больше не торкает. Осматриваю некогда красивую девушку, в которую влюбился как дурной. Горел же ей. Умирал без нее. А сейчас не вижу в ней ничего из того, что так сильно любил...

Взгляд пустой, волосы с отросшими корнями небрежно собраны в пучок, ногти все погрызаны. И что же ты с собой сделала, девочка?

— Андрюша, — она замечает меня, начинает хныкать, поджимая свои пухлые губы. Отталкивает от себя медсестру и бежит в мою сторону.

Кидается на шею, не успеваю даже среагировать. Рыдает

на груди, царапая кожу на моей шее своими обломками ногтей. Аккуратно убираю ее руки от себя, отодвигая девушку.

— Любимый мой, они не пускают меня к Димочке. Ты скажи им, что я мать. А то они не верят. Я к сыночку хочу.

— Это я запретил тебя пускать к нему. А что ты вообще здесь делаешь?

— Как что? К сыну приехала, — вытирает слезы ладонями, — А почему ты не пускаешь меня к сыночку?

Она подавлена и немного возбуждена. Глаза бегают из стороны в сторону. Я начинаю догадываться, и меня просто поглощает ярость.

— Блять, Оля, ты опять нюхала? — рычу ей в лицо, хватая больно за подбородок. Сжимаю челюсть почти до хруста. Она пищит от боли, встает на носочки, испуганно на меня взирая, — Говори!

— Ну что ты, родной мой. Как я смогла бы? Пусти к сыну, я соскучилась.

— Да? А что же ты не вспоминала о сыне, когда оставила его одного дома и ушла на три дня? А? — я еще больше закипаю. Если бы я только узнал раньше о мальчишке, ему бы не пришлось переживать все это дерьмо.

— Это было все раз, мой хороший, — пытается снова прижаться ко мне, но я не даю ей и шанса сделать шаг в мою сторону. Аккуратно одной рукой машу медсестре, чтобы она уже подошла и вколола этой психованной успокоительное. Та кивает и наполняет шприц.

— Ольга, возвращайся лечиться. Если тебе действительно не плевать на сына и ты хочешь, чтобы я разрешал тебе с ним видаться — лечись!

Медсестра подходит медленно к нам, я прошу ее одним взглядом подождать. Еще пару секунд.

— Андрюшенька, я тебя очень люблю! — она начинает выть. И все же я ловлю ее взгляд, отмечая расширенные зрачки. Сука. Нюхала сто процентов, — А давай все сначала начнем? Как раньше.

Сжимаю зубы до скрипа и киваю медсестре, чтобы та вколола Ольге, а сам весь трясусь. Как же тяжело видеть некогда любимую женщину в таком состоянии. И самое ужасное, что это был ее выбор. Уйти от меня и сторчатся. Я отпустил. Долго боролся за нас, слишком долго пытался вытащить ее из этого дерьма, но она все равно выбрала жить своей жизнью. Без меня.

Хотя Оля всегда была сама по себе. Как кошка. Гуляла и хвостом виляла. И то, что она родила сына и решила скрыть от меня этот факт — удивляет. Пять лет воспитывала его, живя в подаренной мной квартире, и ни разу не пришла за деньгами. Хотя уверен, что на дозу ей нужны были средства. Значит кто-то обеспечивал... И кто, я обязательно выясню.

Пока ей вкалывают транквилизаторы, я держу ее в своих руках. Она начинает успокаивается, лицо ее расслабляется, тело становится ватным. Опускаю девушку на диван сбоку, чтобы она не свалилась на пол. Она что-то продолжает бор-

мотать про Диму, но я не слушаю.

Отчитываю охрану, что пропустили ее сюда. Подхожу к палате сына, уже достаточно поздно, но я переживаю, что он мог все слышать. Как его мать завывала тут. Черт! Ему же и так херово, еще и это.

— Он ждал вас, — говорит медсестра, а я замираю у двери, нажимая на ручку. Мне страшно. Я не знаю, что ему сказать, если он начнет задавать вопросы. Потому что ответов для пятилетнего ребенка у меня нет.

Делаю шаг вперед, но резко одергиваю руку. Нет, не могу. Качаю с досадой головой и не решаюсь зайти в палату. Надеюсь когда-то сын сможет простить мне мою слабость. Ему нужен родитель, хотя бы один. Но мы с Ольгой явно фигово подходим на эту роль. Ева справилась бы в сто раз лучше.

Глава 17.

Андрей уходит, даже убегает куда-то стремительно. Делаю вид, что мне не интересно. Это теперь его жизнь, и я не буду вмешиваться. Интерес скребет под ложечкой, но я сдерживаю себя. Раньше проблемы мужа для меня были важной частью наших взаимоотношений. Мне всегда казалось, что женщина должна поддерживать своего мужчину, особенно когда у него наступают трудные моменты.

В период подписания важных контрактов или тендеров, когда Андрей приходил домой заведенный и злой, я любила делать ему массаж. Вкусно кормила. А потом секс, обычно как он хотел. Но мне нравилось ему подчиняться. А сейчас горько от осознания, что муж меня просто использовал.

Приходил домой, а ему тут: и вкусная еда, и секс и массаж. И танцы с бубнами. А я тогда думала, что мне достаточно лишь того, что он рядом. Это же настоящий подарок быть рядом с любимым мужчиной. Только я ошибалась... Любить должны оба. И моей любви для крепкого брака не хватило.

То, что я остаюсь жить в доме Андрея, не значит, что я готова сесть к нему на шею. Нет, он должен понимать, что у него почти не осталось рычагов давления. Кроме одного — нашего ребенка. В остальном, я его слушаться не собираюсь. Довольно с меня унижений.

— Марин, привет! — тяжело дышу в трубку. Я знаю, что-

бы я ни сказала, подруга отреагирует бурно и остро.

— Ну и где ты потерялась? Я жду тебя!

— Я не приеду.

— Как это не приедешь? — повышает тон, — А что случилось, Ева?

— Ничего такого, кроме того, что меня ударил отец, а Андрей привез к себе.

Присаживаюсь в мягкое кресло, складывая ноги под себя. Накрываюсь теплым пледом, потому что начинает знобить. Воспоминания о сегодняшнем дне обрушиваются потоком. Мне снова больно от случившегося.

— Че? Ничего не поняла.

Я устало вздыхаю, откидывая голову назад, утопая в мягкой подушке. Рассказываю коротко Марине события дня, обходя стороной историю мамы. Все же это личное, между нами.

— Ева! Какой кошмар, — она причитает в своей любимой манере, — Я тебе отвечаю. Он поехал трахаться. А папаша твой... Чтоб его.

От ее слов по телу проносится электрический разряд, я широко распахиваю глаза. Мне становится тошно. Встаю с кресла и начинаю наматывать круги по комнате, потому что тело ломит, сердце заходится в бешеном ритме. Ну зачем она это сказала...

Я почему-то даже не предполагала, что он мог сорваться куда-то к другой женщине. Я такая наивная? Да! Он всегда

так срывался на работу, и я по старой памяти, даже не задумалась о другом. А теперь...

А теперь перед глазами стоит четкий образ голого Андрея и силуэт девушки. Знакомой мне девушки. Везде эта Ольга, будь она проклята. Я правда не желаю ей зла, но не могу развидеть картину, как они целуются. Мозг начинает докручивать сцены их секса.

— Марина, прошу, давай закроем тему, — стону с отчаянием. Делаю несколько глубоких вдохов, чтобы успокоить сердечный ритм, но ничего не получается, — Вообще, мне нужна твоя помощь.

Перевожу тему. Мне срочно нужно сосредоточиться на чем-то другом.

— Да?

— Я хочу устроиться на работу. А без опыта... Сама понимаешь. Меня мало куда возьмут. Может у тебя на фирме есть вакантные места?

— Блин, даже не знаю, Евик, — она задумывается, — Вообще есть. Нам нужен медпред. Потому что мы расширяемся, охватываем новые районы. А девчонки не успевают аптеки объезжать.

— Я согласна, Мариш! Тем более у меня есть машина, — задвигаю свой страх вождения подальше, — Ты сможешь замолвить за меня словечко? Тем более я до сих пор на отлично помню всю фармакологию.

— Да я не сомневаюсь в твоих знаниях. Я попробую.

— Спасибо, дорогая!

Мы прощаемся, напоследок Марина еще раз ругает Андрея и обвиняет во всех смертных грехах. Мне приятно, что подруга так переживает за меня, но благодаря ее словам во мне теперь поселилось еще больше сомнений, а с ними еще больше боли.

— Сколько же на нас свалилось всего, мой хороший, — обращаюсь к будущему малышу. А может это девочка. Но почему-то я чувствую мальчика. Глажу живот рукой, мне так важно чувствовать с ним связь.

И я корю себя, что время беременности трачу не за чтением книг для будущих мам и не прохождением различных курсов, а в нервах, слезах и упадническом настроении. Я чувствую, что подвожу своего малыша, находясь в таком плачевном состоянии. Но изменить ситуацию не могу. Пока не могу.

Пою себе под нос колыбельную, успокаивая свою нервную систему и таким образом общаюсь с ребенком. Рассказываю ему, как буду любить его, никогда не дам в обиду. Наш уютный мир с ним на двоих разрушается оглушительным стуком в дверь. От неожиданности подскакиваю, выбегая в коридор.

Вряд ли Андрей, у него есть ключи. Включая монитор на домофоне, вижу Костю. Тут же выдыхаю, перепугал меня до чертиков.

— Кость, привет! Что-то случилось? — открываю дверь, пропуская мужчину в дом.

Он заходит с двумя большими пакетами, ставит их на пол, потягивая спину.

— Валенский случился, — усмехается, — Вот, твои ключи, — кладет мне в ладонь связку ключей от машины, — А это тебе продукты.

— Ясно, — киваю ему. Этакая забота от Андрея.

Костя снова берет пакеты и идет в сторону кухни, а я семеню следом. На языке вертится вопрос, я мнусь озадаченно. Посвящать друга Андрея в подробности личной жизни не хочется, он скорее всего обсудит это с мужем, а я не хочу, чтобы тот думал, что мне есть дело до него.

Но любопытство все же берет верх.

— Где Андрей? — выпаливаю быстро. Костя смотрит на меня, слегка сочувствуя. И вот от этого взгляда мне становится все понятно. Он с другой.

Закусываю щеку изнутри, чтобы не расплакаться. Все равно больно. Как ни крути. Очень больно.

— Он поехал к Диме.

— Ты уверен? — зачем-то переспрашиваю я. Потому что я не верю...

— Да, мальчику не здоровится, — Костя прокашливается.

Ладно, может и правда к сыну поехал. Это действительно повод сорваться, если ребенку стало плохо. Может я зря накручиваю себя?

— А что с ним? Не знаешь?

— Да я это, я короче, — Костя теряется на ровном месте,

прочищает горло и собирается, — Нет. Андрей меня не посвящает в такие подробности.

Врет! Близкого друга и не посвящает? Не-а, не верю.

Улыбаюсь мужчине, досадно кивнув. Мне лично все ясно. Андрею плевать на мои чувства, и мне стоит перестать надеяться, что он хоть как-то начнет вести себя по-человечески. Потому что ему не дано.

Выпроваживаю Костю скорее, благодаря за еду. Мне срочно нужно остаться одной, потому что рыдания рвутся наружу. А унижаться и плакать при посторонних — не хочу.

Чтобы хоть как-то успокоиться, встаю под теплые струи душа, смывая всю грязь этого ужасного дня. Ощущение, что он длится вечность, и я хочу, чтобы он скорее закончился. Намыливая тело гелем с ароматом ванили и миндаля, тру так сильно, что кожа начинает краснеть.

Слышу хлопок двери за спиной, вздрагиваю. Может сквозняк? Но в этот же момент спиной ощущаю, как во мне прожигают дыру. Стенки у душа стеклянные, поэтому моя спина и ягодицы прекрасно виднеются сквозь толщу стекла и капель воды.

У меня осталась привычка не закрывать дверь, мы с Андреем обычно не вламывались друг к другу в личное пространство, поэтому я даже не подозревала, что кто-то может бесцеремонно ко мне зайти.

Вернее не кто-то, а муж. Поворачиваю голову и вижу Андрея, он сканирует мое тело горящими глазами. Выключаю

воду, ежась от прохладного воздуха, хватаю с крючка на стене махровое полотенце и укутываюсь, пряча тело от темного взгляда. Андрей делает шаг вперед, я — назад. Вытягиваю руку, останавливая его.

— И что ты здесь делаешь? — вода с волос стекает вниз по спине и ключице, щекоча кожу.

— Любуюсь женой, — спокойно парирует. Словно ничего такого в этом нет.

— Тебе не кажется, что время для любования прошло? Мне неприятно. Выйди, — набираю в легкие побольше воздуха и подхожу к раковине, заглядывая в зеркало.

Боковым зрением вижу, что он стоит неподвижно. Никуда не уходит.

— Андрей! Выйди! — с раздражением беру зубную щетку.

— Ева, ты округлилась. Аппетитная стала, — он все же делает еще несколько шагов в мою сторону. Тело тут же реагирует на мужской запах, загораясь внутри.

Нет, прошу. Я не хочу ничего чувствовать к нему. Я не хочу!

Почему нельзя было раньше замечать меня? Почему нельзя было не изменять, а просто любить и быть рядом? Я же ради тебя была готова на все. Как я думала. На все, кроме прощения предательства. Увы, это выше моих сил.

Андрей встает за моей спиной, и пространство между нами сужается. Голова кружится от близости его тела. Горячее

дыхание опалает кожу в районе шеи, он проводит костяшками пальцев вдоль моих рук, спускаясь ниже. Очерчивает изгиб бедер, заползая под полотенце. От родной ласки я забываюсь на мгновение, позволяю себе расслабиться. Словно между нами все как раньше. И нет той боли.

Но это самообман. Потому что как только я открою глаза, все будет как прежде. И изменить то, что он сотворил с нами — я не смогу. И он не сможет.

Андрей касается губами тонкой кожи на шее, втягивая запах носом. Проводит языком до ключицы, и именно в этот момент, вздрогнув, я распахиваю глаза. С ресниц капает вода. Ловлю в отражении свой бешеный и затуманенный взгляд, и его возбужденный, с поволокой.

— Нет! Не трогай! — кричу, скидывая его руки. Интимность момента нарушается, в воздухе зависает напряжение.

— Что? — он еще в возбуждении, не совсем понимает.

— Я сказала, не смей меня трогать своими грязными руками!

Глаза мужа наливаются кровью.

— Какими руками? — прочищает горло, не веря моим словам.

— Ты думаешь, что прийти сюда и начать меня трогать руками, которыми ты лапал своих шлюх — это нормально? Я не посмею касаться меня. Я предупреждала, Андрей!

Разворачиваюсь к нему лицом и бью по стальной груди, отталкивая от себя. Он поддается, делая шаг назад.

— Что ты несешь, Ева? — закипает.

— Ты думаешь я наивная дура? Думаешь не понимаю откуда ты пришел? Натрахался вдоволь, теперь и жене присунуть можно, да? — похабные слова лезут из моего рта, но на эмоциях я уже не контролирую себя.

— Какие шлюхи? Блять! — он ударяет кулаком по рядом стоящем полке, отчего та пошатывается и падает к нашим ногам.

— Твои шлюхи, Андрей.

— У тебя совсем голова перестала работать из-за гормонов? — хватает меня за руку, дергая на себя. Я начинаю отбиваться и царапаться как кошка. Впиваюсь ногтями в шею и замираю.

Я четко вижу след от чужих ногтей на его шее. Глубокая царапина.

Лгун! Предатель! Ненавижу!

— Говоришь не было шлюх, да? — выплевываю прямо в лицо, — А что тогда это?!

Вдавливаю в его царапину со всей силы, чтобы причинить боль. Он шипит, выпуская меня, и хватается за рану.

— Что ты творишь?

— Какой же ты мерзкий, Андрей! Вот так нагло врать в лицо. Совсем меня за идиотку держишь? Ты сказал, что я здесь буду в спокойствие!!! А что на деле? Я испытываю боль, меня ломает, я хочу сдохнуть. Я так тебя ненавижу. Ты бы знал только. Никогда, — все же истерика случается, —

Слышишь? Никогда я тебя не прощу.

Бегу к двери, роняя крупные соленые капли а пол. Нельзя же так с живыми людьми поступать. Он же заживо меня хоронит, издевается надо мной. Что я такого сделала, почему должна это терпеть? Я же просто его любила. И никогда ему ничего плохого не делала...

Неужели это такая плата за любовь? Тогда я мечтаю больше никогда в жизни не любить.

— Я был у Димы! Не было шлюх, Ева! Это Ольга меня поцарапала.

Он кричит мне в спину. Я резко торможу, поскальзываясь на мокром кафеле. И больно ударяюсь об пол, падая на пятую точку. Он тут же подлетает ко мне, поднимая на руки, как маленькую.

— Ты услышала? — он выглядит спокойнее, чем я. Намного, — Не было шлюх.

— Ольга? — неверяще шепчу.

— Да, — отворачивает голову в сторону, — Она мать Димы.

У него есть сын от некогда любимой женщины. У меня никогда не было шанса занять место в его сердце. Она всегда была первой. И будет.

— Разве это что-то меняет? — горько усмехаюсь.

— Это все меняет. Я поехал туда, чтобы не пустить ее к сыну. Она меня поцарапала. Не было секса, даже поцелуя. Ничего...

Мне так хочется верить ему. Но увы, слишком поздно. Будь он чуть сговорчивее, если бы он рассказал бы все раньше. Я бы поверила, я бы осталась рядом. Но сейчас каждое его слово — ложь.

— Я не верю тебе, — четко произношу ему в лицо.

Хочу о многом спросить: о ней, о Диме, почему не пускает ее к нему. Но поздно. Нет смысла обсуждать все это. Между мной и Андреем пропасть, и мост мы построить не сможем.

Глава 18.

— И куда ты собралась? — поворачиваю голову на голос Андрея.

Он сидит за барной стойкой с открытым ноутбуком, пьет свой излюбленный эспрессо с одним кубиком сахара. Он в брюках и полурасстегнутой белой рубашке, с босыми ногами. Красивый, но уже чужой. Осматриваю его внимательно, не хочется ничего говорить, но если промолчу, то не отстанет. Хотя так и так не отстанет.

Всматриваюсь в яркое солнце за окном, утро могло бы быть замечательным, если бы не множество нюансов. Однако, думать о плохом не хочется совсем. И так каждый день какая-то борьба: то с внешним миром, то с самой собой. Искренне надоело.

— У меня сегодня собеседование.

— И ты в этом пойдешь? — хмурится, кивая на мои ноги.

А что собственно не так то? Красивая юбка карандаш по колено, белая майка и черный жакет в стиле Шанель. Все по-классике, без вычурности. Натягиваю лодочки на шпильке, пока еще есть возможность носить каблук. Поправляю аккуратно собранные волосы.

— Я кажется вопрос задал?

— Когда кажется, Андрюш, креститься надо, — улыбаюсь, хватая сумку с тумбы. Моя дерзость может мне дорого

стоить, но молчать я тоже не буду. В ноги падать не буду и умолять не буду. Теперь есть только я и ребенок. Без дополнений.

— Ева! — рычит, вскакивая со стула.

Дергаюсь от шума, но не подаю виду. Держись, девочка.

— На работу я пошла. Еще будут вопросы?

— О, теперь у меня их стало еще больше. Никуда ты не пойдешь.

— Нет, Андрей. Не нужно мне указывать, что делать. В твоём договоре ничего не сказано о том, могу ли я работать или нет. Поэтому я самостоятельно принимаю решения такого рода.

— Внутри тебя мой ребенок, я не хочу, чтобы он подвергался стрессу на работе.

Вспыхиваю как спичка. Задолбал он.

— Наш! Наш ребенок. Нас двое, Андрей! Хватит себе все присваивать, включи хоть каплю чувств, если ты на них вообще способен. Прекрати говорить так, словно я икубатор для вынашивания ТВОЕГО ребенка!

— Я ничего такого не имел ввиду, Ева, — он теряется от моего выпада, но тут же собирается. Снова буравит меня взглядом.

— Мне плевать, что ты имел ввиду, — а ведь и правда плевать, — Я ушла. Дверь закрой!

Вылетаю из квартиры, не давая ему даже возможности как-то меня остановить. У него может и есть куча рычагов

давления, но я не куплюсь больше на это. Раньше бы да, но я выбрала идти вперед. Через боль, через отрицание, через неприятие. А разве есть выбор?

— Я не опоздала? — вбегаю в офис, подхватывая Марину за руку.

— Нет, а ты чего такая взмыленная?

— Ну не каждый день на работу устраиваешься, Мариш. Волнуюсь.

— Не волнуйся, я тебя расписала шеву по полной программе.

— Это как? — улыбаюсь.

— Это так, что он не сможет отказать. Ты главное улыбайся побольше, много не говори, только на его вопросы отвечай. Четко и лаконично. Не ври, он у нас прозорливый, сразу тебя на лжи поймает. Говори как есть. Не стесняйся отсутствия опыта, все мы откуда-то начинали. Поняла?

Не успеваю ответить, как она вталкивает меня в кабинет к своему начальнику. Я пугливо оборачиваюсь назад, подруга мне подмигивает.

Ладно, была не была. Даже если откажут, у меня будет первый опыт собеседования, а это тоже очень важный и полезный навык.

— Добрый день! Меня зовут Валенская Ева, я закончила фармацевтический..., — начинаю быстро говорить, складывая увесистую папку с кучей ненужных грамот на стол. И зачем я это все притащила?

— Стоп-стоп, — мужчина лет сорока останавливает меня,

— Вы от Марины?

— Да.

— Присаживайтесь, Ева Валенская. Какая у вас знакомая фамилия..., — ну конечно, ведь компания мужа "Валенский индастри" пестрит на каждом углу, — Но да ладно. Может чаю хотите или кофе? Не тряситесь вы так.

— Можно воды, — и правда как осиновый лист трясусь. Волнуюсь жутко.

Мужчина протягивает мне стакан воды, я делаю жадные глотки, и тело немного успокаивается. Осматриваю уютный не вычурный кабинет, кидаю взгляд на мужчину. Обычный, ухоженный, довольно хорошо одетый мужчина. В нем нет ничего особенного, и его внешность не бросается в глаза, например, как у Андрея. Но в нем есть какое-то спокойствие.

— Вы знаете, Ева, я обычно не беру людей на такие позиции без опыта. Но Марина поведала вашу непростую историю, и я буду чувствовать себя сволочью, если не приму вас на работу.

Она что ему все рассказала? Какой кошмар!

— Это не значит, что я буду смотреть на вашу работу сквозь пальцы, но шанс вам проявить себя дам. Можете спокойно приступать, Марина всему обучит. Тем более ваш красный диплом говорит о том, что в фармакологии вы точно не новичок. Работа не сложная, за вами закрепят определенный препарат. Нужно будет презентовать его как круп-

ным аптекам, так и врачам. Ну вы наверно понимаете специфику работы медицинского представителя?

— Да, конечно.

— Ну замечательно тогда. Зайдите в отдел рекрутинга, подпишите все нужные бумаги. И дерзайте!

Я встаю на пошатывающихся ногах.

— Так просто? — шепчу.

— Считайте это жестом доброй воли.

— Спасибо! Большое! Я не подведу, честное слово.

Он машет рукой, улыбаясь. Выбегаю из кабинета, сердце колотится. Не верится даже, у меня теперь есть работа. Настоящая работа. И я смогу сама себя обеспечивать, не нужно будет унижаться перед Андреем.

— Маришка, я такая дура. Мне кажется он не представился, а я и не спросила...

— Михаил Альбертович, — успокаивает меня, — Взял?

— Да, — пишу от радости, сжимая подругу в объятиях,
— Сказал, что ты меня всему обучишь...

— Ну куда я денусь, пошли, труженик. Будем знакомиться с коллективом и работой.

День пролетает незаметно и очень быстро. Обилие информации поражает, но я не пасую, я справлюсь. Ничего. Нужно просто втянуться. Это с непривычки так.

Андрей названивает очень настойчиво, бесится. Но я не беру трубку. У меня и правда много задач, куча нужной информации. И мне уж точно сейчас не до упреков от мужа. А

я знаю, что он звонит не для того, чтобы как-то поддержать меня или сказать ласковое слово. Отнюдь. Будет ругань, манипуляции. А я не хочу киснуть перед новыми коллегами. Поэтому лучший способ — игнорировать.

Не замечаю, как за окном темнеет. Потягиваю спину, развалившись в офисном кресле.

— Шея затекла, — говорю подруге.

— Конечно, столько сегодня читала, в таком положении не только шея разболится. Ты езжай домой, у меня еще отчет висит. Я точно допоздна.

— Давай я тебе помогу? — нужно как-то отблагодарить подругу за ее небезучастность.

— Не нужно. Лучше отдыхай, завтра новый тяжелый рабочий день.

— Ты уверена?

— Да, беги!

Целую Марину, тысячу раз благодарю за все, что она для меня сделала.

Улица встречает неприятной моросью, ожидаю такси, но из-за плохой погоды высокий спрос, поэтому ожидание от десяти минут. Надо было на своей машине ехать, но я так сегодня волновалась, что побоялась сесть за руль. Что ж... Придется ждать.

— Ева, давайте я вас подвезу, — рука Михаила Аркадьевича опускается на мою поясницу.

— Ой, что вы! Так неудобно! — улыбаюсь мужчине в от-

вет.

— Да мне не сложно. А вы тут долго такси ждать будете. Они хоть и пишут, что ожидание десять минут, на деле же намного больше.

— Мне правда неловко.

— Ева, перестаньте, если бы я не мог — не стал бы предлагать.

Благодарно заглядываю в глаза мужчины. Он обаятельный и довольно открытый человек. Располагает к себе. Соглашаюсь на его предложение, ждать такси и правда нет сил и желания.

В машине очень тепло и уютно, играет джаз и пахнет яблоком. Очень приятный аромадиффузор. Михаил Аркадьевич молчит, не задает вопросы, спокойно едет по адресу, который я ему продиктовала. Даже благодарна, что он не мучает меня разговорами. Потому что устала я адски...

Спокойствие нарушает трель телефона. Опять Андрей. Брать трубку перед посторонним человеком не хочу, поэтому скидываю. Он снова звонит, а я снова скидываю. Наверно я совершаю глупость, но сейчас общаться с мужем желания ноль.

Босс галантно открывает мне дверь машины, подавая руку. Я улыбаюсь, еще раз благодарю за возможность работать в такой престижной компании.

— Ну что вы! Я очень надеюсь, что у вас все получится, Ева! — он жмет мою руку, а я каким-то внутренним чутьем

понимаю, что дело плохо.

Четко ощущаю, что за нами следят. Тело подрагивает от тревоги. Либо я стала параноиком, либо это так и есть.

— Я пойду, — киваю мужчине, и двигаюсь в сторону подъезда.

Прикладываю ключ-магнит, не успеваю зайти внутрь, как слышу до боли знакомый голос.

— Я тебя уничтожу! — Андрей хватает за грудки моего начальника, встряхивая как тряпичную куклу.

— Что вы себе позволяете? Вы кто такой?

Господи. Нет. Только не это...

— Андрей, прекрати, — подбегаю к мужчинам.

— Домой, быстро, — он поворачивает голову в мою сторону, продолжая сжимать полы пальто мужчины.

Ловлю бешеный взгляд, он просто уничтожает каждый сантиметр пространства своими черными глазами.

— Прекрати, что ты делаешь? — молю его.

Если он ударит его, я же останусь без работы. Да и не виноват же ни в чем Михаил... Какой позор!

— Клянусь, Ева, я уничтожу каждого, кто посмеет тебя коснуться. Я предупреждал. Ты моя жена!

— Ты ведешь себя как псих...

— Ева, так это ваш муж? Теперь я понимаю, насколько ваша ситуация плачевна.

Слова Михаила Аркадьевича срывают все тормоза у Андрея. Он кидается на мужчину, нанося удары. Сквозь слезы

прошу его остановиться, но он словно с цепи сорвался. Ничего не слышит и не видит вокруг.

Глава 19.

POV Андрей.

Я не понимаю, почему меня так кроет. Но в голове все трещит, я не могу остановиться. Бью его, размазывая алую кровь по его лицу. Слышу хруст, точно что-то сломал. Что бы не было между мной и Евой, но она моя жена. Ее никто не смеет касаться. Она не должна улыбаться никому также, как улыбалась когда-то мне.

— Андрей, остановись!

Она рыдает, размазывая соленые дорожки слез вперемишку с тушью по своему красивому личику. На секунду отвлекаюсь, разглядывая ее. Блять, она красивая. И я это всегда знал. Пока засматриваюсь на жену, мне в скулу прилетает кулак. Снова зверею, замахиваясь, пока не слышу горькие рыдания.

Ева оседает на асфальт, прижимая одну руку к груди, вторую ко рту. Она разбита, сломлена. Как бы меня не бесит тот факт, что она мне не доверяет, что мои слова для нее пустой звук — сейчас ее состояние вызывает внутри меня тревогу. Я заставляю себя успокоиться, отпускаю мудака, стоящего рядом, от себя и толкаю его. Присаживаюсь на корточки напротив Евы, пытаюсь поднять хрупкое тело.

— Валенский, за что? За что ты так со мной? Я ведь... Я все для тебя делала.

Знаю. Просто влюбилась ты девочка не в того. А я этим воспользовался когда-то. Мучает ли меня совесть? Хер знает. Но внутри беспокойно, и это я знаю наверняка. Мне что-то не дает покоя.

— Иди домой.

— И это все? Даже не извинишься? Ты избил невинного человека.

Ее жалость к левому мужику снова пробуждает волны гнева, стискиваю кулаки, отчего кожа на костяшках натягивается и кровотоцит. Держусь из последних сил.

— И сделаю это еще раз, если тебя хоть кто-то коснется.

— Ты понимаешь, что ты наделал? Это же мой начальник!

Она вскакивает, делает шаг в сторону того уroda, преграждаю ей путь.

— Ему нужна медицинская помощь, пусти!

— Домой иди.

— Я сказала: пусти! Ему же плохо...

— Домой... — в тихой ярости прикрываю глаза.

Если она сделает хоть еще один шаг в его сторону, я точно сорвусь. Беру ее лицо в свои руки, пачкая фарфоровое испуганное лицо в крови. Ей так не идет. Но сейчас я чувствую, насколько на самом деле мне тяжело ее отпустить. Раньше это было чувство собственности. Я купил ее у ее же отца. Она даже не подозревает, насколько я тогда нуждался в тихой, спокойной жене, которая не будет отсвечивать. Не будет мне мешать.

Еще одну Ольгу я не вытерпел бы. Ева точно не стала бы исполнять такие финты, не стала бы прыгать по койкам других мужиков, нюхать... Но и с ней не было того урагана чувств и эмоций, что были с Олей. С Евой все вышло ровно и спокойно.

До сегодняшнего дня...

Что-то внутри надорвалось, разделяя нас на до и после. Я снова выпустил ту свою часть, которую так глубоко прятал. Быть холодным оказалось не так просто, когда жизнь мне продемонстрировала, как это бывает, когда ты теряешь семью.

Мне так важно держать все под контролем, и все пошло по одному месту в тот день, когда Ева каким-то случайным образом казалась в ТЦ. На окраине города. Куда никогда не ходила. Я не верю в такие случайности. Но я теряю жену... И чтобы я не сказал, она не верит. Это, блять, злит. Бесит. Выворачивает наизнанку.

Потому что самый главный враг в ее глазах — это я.

— Дай я хотя бы скорую вызову! Так нельзя.

— Я сам. Домой. Не заставляй меня повторять еще раз,
— хрипло выдыхаю воздух. Грудная клетка рвано двигается, воздуха критически мало.

Она опускает голову, смотрит с сожалением на этого придурка, извиняется перед ним и уходит. Оборачивается сотню раз, и словно не замечает меня, смотрит только на него. И мне херово адски.

Дверь подъезда хлопает, я тут же разворачиваюсь и снова сгребая в охапку мужика.

— Еще раз увижу рядом с женой — в следующий раз не остановлюсь. Не нужно ее подвозить, касаться, смотреть и дышать в ее сторону.

— Вы мне сломали нос, я это так не оставлю.

— Да мне похер! Только исчезни из поля зрения.

— Знаете, вы так жену не вернете. Она вас еще больше ненавидеть будет.

— Ты еще поучи меня, блять!

Зря он это затеял, меня кроет, а он тут со своими ненужными советами.

— Варвар, — придурок отряхивается от грязи, прикладывает руку к сломанному носу и садится в свой седан. Такой весь из себя интеллигентный, вылизанный. Сука!

Мне нужно выпить, иначе эти мысли сожрут меня. Внутри все клокочет. Завожу свой джип, давлю педаль газа в пол и срываюсь с места. Домой сейчас нельзя, наговорю опять лишнего, а ситуация и так патовая. Хуже уже быть не может.

— Костян, приезжай в бар на Вернадского. Я сейчас с ума сойду.

— Че случилось?

— Я теряю контроль. Давай нажремся как в студенчестве. Хочу забыться.

— Понял тебя, буду!

Пока жду друга, вливаю в себя двенадцатилетний виски.

Янтарная жидкость обжигает горло, а я хочу, чтобы обожгло мозги. Расплавил бошку. Иначе нескончаемый поток мыслей добьет меня. Перед глазами лицо Евы, как она смотрит разочарованно. Как плачет. И меня торкает! Мне не дает покоя ее состояние.

— Ууууу, какая скукота тут. Запах старости и уныния, — Костян как обычно отшучивается. А мне вообще не до шуток. Органы в узел стянуты.

— Я тут мужиков позвал, — заходят наши знакомые ребята, с которыми мы обычно просто тусим вместе, обсуждаем акции, обстановку на рынке. Чисто мужская атмосфера.

Они вваливаются в випку в обнимку с бабами. Вот это сейчас лишнее. Нахер баб. Тошнит от всех уже.

— Без баб, — рычу я.

— Да ты че, Андрюх, ты тут страдай. Но нам то кайф не обламывай, — Петр хватает длинноногую блондинку за сиськи, окуная свое лицо в бюсте. Чиновник. Помогает мне иногда с документами на землю.

— Реально, Андрюх, не обращай внимание! — Костян бьет меня по плечу, подливая вискарь.

Я смотрю на весь этот цирк, и уже ничего не радует. Черная дыра разрастается в груди. Легче не становится вообще. Опрокидываю стакан, следом еще второй. Просто хочу нажраться.

— Котик, ты такой хорошенький, — шлюх всегда обходил стороной. Эти нарощенные ресницы, огромные губы, елей-

ный голосок. Желания трахнуть нет совсем, только отвращение.

Рука наглой девицы ползет по бедру, приближаясь к паху. Наивная дура пытается возбудить, а мой член даже не собирается реагировать на это. Не заводит вообще.

В женщинах всегда ценил натуральную красоту. Видимо недостаточно ценил... Опять кроет.

— Руку убрала! — рычу на полуголую кралю. Она уже добралась до ширинки, проводя пальцем с дешевым маникюром вдоль замка.

— Ну что ты... Я смогу тебе поднять настроение...

Шепчет на ухо. Чувствую приторные духи и морщю нос. Все не то. Мне не нравится как она пахнет.

— Ты? — смеюсь, — Поверь, дорогуша. Ты мне его только опускаешь.

И член и настроение.

— Грубиян, — обиженно дует губы, и бросает взгляд в сторону Костика.

Тот возмущается, что я обижаю такую куколку, и забирает ее в свои объятия. Правильно, утешь шлюху.

Полбутылки виски уже нет, а опьянение не приходит. Шум музыки, неестественный хохот девиц только раздражают перепонки. Ага, классно я решил забыться.

Телефон в кармане вибрирует.

Подношу экран к лицу, сообщение от Евы. Ого... Вот это новости. Малышка сама написала, первая.

Открываю уведомление. Секунда. И я просто нахер отлетаю в сторону. Мужики замирают, ловя мой взгляд. А я сейчас выгляжу как убийца, не меньше. Это уже не гнев, и даже не ярость. Я просто реально готов убивать.

Крыса... Среди своих есть крыса.

— Ты че, брат?

Я протягиваю Костяну телефон, где открыта смс от жены.

Там я с этой шлюхой. Прямой сейчас. На этом диване. Ее рука на моей ширинке.

"Что и требовалось доказать! Я хочу немедленно развестись. Завтра же."

— Кто эта гнида, что сделал фото?

— Андрюх... — Костя пытается меня успокоить, — Это не наши. Ты посмотри ракурс фотки. Это вот оттуда сделали.

Костян показывает в сторону бара. Вглядываюсь в фотку еще раз. Реально, не из випки кадр. Исподтишка. Найду сталкера и удавлю...

Эти совпадения уже начинают люто бесить.

Глава 20.

Поднимаюсь к лифту на негнущихся ногах. Тело бьется в мелкой дрожи. Чувствую запах крови Михаила на своем лице, которое держал Андрей.

Меня подташнивает, и из-за этого голова еще больше начинает кружиться.

Пока еду в лифте, держусь за холодные металлические стенки. Перед глазами то и дело мелькают эпизоды драки. Я просто не могу поверить, что он это сделал.

Сдержанный, всегда контролирующий свои эмоции Андрей, избил моего начальника. Или уже не начальника даже... Вряд ли после такого меня примут с распростертыми объятиями будут ждать на работе.

Ключ не попадает в замочную скважину, прикусываю нижнюю губу до боли, чтобы переместить фокус внимания на боль в губе и успокоить трясущиеся руки. Наконец залетаю в дом, не снимая одежду, бегу умывать лицо.

Намеренно не смотрю на себя в отражении... Мне страшно! Страшно увидеть сломленную, уставшую от всего девушку. Когда-то очень счастливую.

Хотя мое счастье было иллюзией.

А еще в глубине души я разочарована. Почему он ушел? Зачем бросил меня одну в таком состоянии? А если со мной на нервной почве что-то случится... Неужели ему настолько

плевать? Тогда откуда взялась эта ревность?

Это же она была!!

Я не могла перепутать. Значит где-то внутри у него есть чувства, глубоко, под коркой льда и мороза, они есть.

Но хочу ли я ломиться в эти закрытые двери? Уже нет.

— Маришка, я в жопе! — успокоившись звоню подруге.

Нужно что-то срочно решать с Михаилом Альбертовичем.

— Ты в жопе с момента вступления в брак с Валенским.

— Сейчас вот вообще не до шуток... Тут такое произошло.

И как все это рассказать? Весь этот кошмар.

— Ну хватит мне тут интригу выдерживать, я устала жуть.

Только вышла с работы.

Лучше бы я все же осталась помогать Марине. Не случилось бы всего этого.

— Михаил Альбертович предложил меня подвезти до дома, а там Андрей. И в общем он его, а я даже не поняла ничего.

Мысли бессвязно пульсируют в голове.

— Ева, я вот тоже сейчас ничего не поняла. Еще раз!

— Андрей избил Михаила Альбертовича, — скулю в трубку.

— Что?! Он в своем уме? За что?

— За то, что тот положил руку мне на поясницу...

— Ева... Это же полный капец! Это конец твоей не начавшейся карьеры.

Я так и знала. Глупо было надеяться на лучший исход.

— И что теперь делать? Надо же узнать как он там. Вдруг у него переломы есть.

— Я все узнаю! Сиди дома.

— Марин, давай я завтра приеду на работу. Буду прощение просить. Вымаливать...

— Нет, пока не приходи. Поняла? Я дам тебе знать.

— Хорошо, — кидаю телефон на диван.

Меня продолжает мутить, надо бы поесть, а кусок в горло не лезет.

Казалось бы, что может быть еще хуже, чем произошедшее. Но как же я ошибалась.

Пока готовлюсь ко сну, стараюсь отвлекаться на позитивные мысли. Думаю о малыше, фантазирую и подбирая красивое имя и для мальчика, и для девочки. Если мальчик, то хочу Савелием назвать. Савушка.

Девочку — Софья. Софушка.

На лице мимолетно проскальзывает улыбка. Нужно чаще думать о ребенке. И перестать себя жалеть, уже ничего не исправить.

Только голова касается подушки, слышу звук смс. Может Маринка что-то разузнала. Надеюсь с боссом все хорошо.

Но нет. Номер неизвестный. Щелкаю подушечкой пальца по экрану. Темную комнату озаряет яркий свет от разблокированного телефона.

Думала меня уже ничего не заденет... Но нет. Больно.

Тошно. Гадко.

А слез то не осталось... Пустота. И все.

На фото Андрей с какой-то разукрашенной барби. Фигура что надо! Большая грудь, не то, что моя... Еле до двойки дотягивает. И то не факт, что дотягивает.

Она яркая, сексуальная, вызывающая. На Ольгу похожа. Только бывшая Андрея дорого выглядела, а эта нет... Но ему это не мешает. Как и ее руке ничего не мешает касаться ширинки моего мужа.

Такие тебе всегда нравились, да? Дерзкие, смелые.

Пишу тут же Андрею, вкладывая всю накопившуюся боль в одну смс. Хочу все скорее закончить. Мне нужен этот развод, иначе я просто сойду с ума. Я на краю обрыва. Шаг вперед и полечу вниз.

Только я отвечаю за двоих.

Полночи ворочаюсь, уснуть не получается. В голову лезут разные мысли, ни одной хорошей.

Как так могло произойти, что судьба мне подкинула такие уроки? Может мне стоит чему-то научиться...Самостоятельности? Ответственности? Стойкости характера? Если это так, то я готова учиться.

За пеленой мыслей не слышу как открывается дверь, не слышу грузные шаги. Ничего не слышу, пока не ощущаю, как матрас моей кровати прогибается от тяжести тела.

Замираю, не дыша. Я точно знаю, что это Андрей. Его парфюм самый любимый... Он везде.

— Ты спишь? — тихо спрашивает. Голос пьяный.

Не отвечаю, затаив дыхание.

— Спишь, — сам себе констатирует, — А мне вот, малыш, не до сна. Хуево мне.

Мне тоже! Плохо очень.

— Я вообще знаешь что, Ев? Соскучился я. Знала бы ты как устал от всего.

Сам виноват... Ты сам все испортил.

— Я урод, я знаю, — его рука обнимает меня за талию, прижимая к себе. Зажмуриваю глаза.

— Очень соскучился, Евчик... — шепчет прямо в ухо.

Минута. Две. Три. Мы оба почти не дышим.

Аккуратно поворачиваю голову в сторону Андрея. Он спит.

И что это было? Пьяный бред? Так соскучился, что отжигал в баре с другой. Ну да. Именно так любящие мужья себя ведут с женами. Избивают невинных людей, отдыхают со шлюхами.

Именно так...

Больше на этот цирк я не куплюсь. Выныриваю из объятий Андрея и убегаю в гостинную. Спать с ним не собираюсь.

Пусть отвыкает. Ведь больше нас нет. И не будет.

Дорогие мои, всех приглашаю в свою новинку!

"Измена. Я смогу без тебя"

<https://litnet.com/ru/book/izmena-ya-smogu-bez-tebya->

— Степа... А что это? А как это?

— Любимая, — он заправляет голубую уже не идеально выглаженную рубашку в брюки, — Это не то, что ты подумала.

Я всегда в фильмах смеялась над этой нелепой фразой. А сейчас почему-то не до смеха.

— Хочешь сказать, что мне померещилось? И ты только-что не занимался сексом с другой женщиной?

— Нет, Ника. Я просто... просто захотел нового. Но люблю я только тебя!

— Это как?

— Ну все мужики полигамны.

Иногда сюрпризы бывают неприятные. Настолько, что сердце рвет на части.

Например, как тот, что мне устроил любимый муж накануне годовщины свадьбы, изменив с какой-то девицей.

Теперь я хочу лишь одного — научиться жить без него.

И у меня получится!

#измена

#смелаягероиня

#классныймужик

#эмоциональноигорячо

ХЭ будет, только для кого...

Глава 21.

— Ева, почему ты ушла?

Андрей заваливается утром в гостинную, как ни в чем не бывало садится на диван, пододвигая мои ноги. Выглядит он плохо, у него явно похмелье. Ему бы выпить морс клюквенный, кислое поможет облегчить симптомы. Но я держу в себе любые советы, меня это не касается. Пусть ему вчерашняя шлюха делает морсы и минеты.

Внутри клокочет сердце от боли. Я же все еще люблю его. Где-то глубоко внутри, за ширмой обид и неприятия, люблю. И то, что он продолжает рвать сердце на куски, отрезвляет как пощечина.

Ему и правда плевать. Тешить себя иллюзиями я не стану.

— Потому что не хотела спать с тобой в одной кровати. Разве это не очевидно?

— Вчерашнее фото...

— Нет, Андрей. Избавь меня от подробностей.

— Ева! Да она подсела просто, начала предлагать себя. Я ее отверг.

— На фото было видно, как ее рука почти залезла в твою ширинку.

— Ровно секунду! Потом убрала, — не понимаю, почему ему сейчас так важно себя отбелить.

Даже если это правда, наличие сына от Ольги и их поцелуй

в общественном месте никуда не деть. И тот факт, что он любил ту женщину, или даже любит, тоже никуда не деть.

— Андрюш, — может стоит его нормально попросить, без слез. Я ведь так устала, — Я благодарна тебе за тот опыт, что ты мне дал. Но я прошу тебя,пусти меня. Позволь стать по-настоящему счастливой. И ты сам будешь счастлив с любимой женщиной. Наш брак был изначально провальным, просто ты это скрывал, а я не замечала.

— Ева, — он берет меня за руки, — Да, я вспыльчивый человек. Местами жесткий, слишком принципиальный. Точно не похож на розовую девичью мечту. Но я не вижу ни одной причины, по которой я должен тебя отпустить.

— Может потому что не любишь?..

— А разве я говорил, что не люблю?

Я замираю. Сердце тоже перестает стучать. Все внутри останавливается, словно замедленный кадр в фильме.

— А разве говорил, что любишь?..

— Ев, я вообще не уверен, что готов это сказать еще раз в своей жизни. Любовь не принесла мне ничего хорошего. А еще я принял для себя решение не считаться с женским мнением. Никогда. Именно по этой причине я тебя не посвящаю в свои дела.

— И я для тебя просто миленькое дополнение. К твоей жизни. Есть Андрей Валенский, его империя и какая-то там жена. Скажи, а твои партнеры вообще знают, как меня зовут? Ты же всегда представляешь меня просто "супруга".

— А нахера им знать?

— Когда мужчина любит, он готов всему миру рассказать об этом.

— Это сказки из сопливых романов. Жизнь сложнее.

— Андрей, и все же. Я может хочу как в сопливых романах. Отпусти...

— Не могу...

— Почему? — ну что его держит. Я не понимаю!

— Я не знаю, Ев. Просто не могу.

Он издевается? Это просто невыносимо, словно насмешка.

Встаю с дивана, направляясь в комнату. Разговор окончен. Ничего полезного я не выяснила.

— Куда ты?

— У меня тянет живот внизу. Надо проверится у гинеколога. Мало ли.

— Я с тобой поеду!

— Я не хочу, чтобы ты со мной ехал.

— А я хочу посмотреть на нашего ребенка.

Вау! Надо же, уже нашего, а не его. Очень хочу съязвить, но держу в себе. Еще один скандал точно доведет меня до ручки.

— Так хотел, что снимок малыша тряс перед моим лицом, угрожая мне? Я все помню, Андрей.

— Блять, какая ты сложная!

— Не, я то простая. Это ты сложный.

— Наверно, я тебе должен рассказать все про Ольгу.
Начинаю смеяться.

— Наверно? Серьезно? Да не, конечно, не рассказывай. Я все съем и приму. И любовницу твою. И тебя. И сына твоего. Такой же был план?

— Помолчи и выслушай.

— Да поздно уже. Слышишь? Поздно.

— Ев...

— Ладно! Поехали в клинику вместе, только помолчи. Ты понимаешь, что я реально на нервах? У меня внизу тянет. Я переживаю. Вдруг я его потеряю... Из-за тебя! Чертов эгоист. Ты же только о себе думаешь.

— Собирайся и поехали в клинику, — Андрей устало потирает лицо.

Молча ухожу собираться. Как же все надоело. Усталость дикая. Лишь одно желание — лечь и уснуть. Желательно надолго. А когда проснусь, все снова будет хорошо.

До клиники мы едем молча. За окном сильный дождь, словно олицетворение моего настроения. Грусть, печаль, тоска.

— Знаешь, мы с Ольгой познакомились, когда я только начинал свой бизнес, — Андрей нарушает тишину, — Она была любовницей одного чиновника. Молодая, красивая, яркая. И я сразу влюбился.

И зачем он мне это рассказывает, еще сильнее всаживая нож в сердце.

— Я не хочу это слушать!

— Нет, ты должна меня понять.

Ничего я тебе не должна. Больше ничего.

— Так вот, я увел ее. Тот чин тогда мне все пути открыл, я забрал у него любимую игрушку. Но все же получилось построить бизнес, несмотря на палки в колесах. Мы сразу с ней начали жить вместе. И я просто сходил с ума от любви, пылинки с нее сдувал.

Мне больно, адски больно. То, как он говорит о ней... Я бы хотела, чтобы он любил меня также. Или хотя малую часть от этого. Тогда бы он никогда не изменил мне... Наверно.

— И целый год мы жили душа в душу. Идеально. Я даже думал сразу о свадьбе, детях и прочей лабуде. До одного момента. Я часто уезжал в командировки, нужно было налаживать связи с партнерами из разных стран. И одна из таких командировок сорвалась. Вернулся домой раньше, — я вижу как ему тяжело говорить, и где-то внутри меня есть жалость, но я все чувства выключаю, — Пришел с цветами домой. Думал наконец появилось время провести с любимой женщиной.

— Андрей, стой! Я больше не могу это слушать. Это невыносимо просто.

— Там дальше важное, Ев. Как ты знаешь, хэппи энд не вышел. Так вот. Я пришел домой, а Оля лежала на диване. Какая-то вся возбужденная, с бешеными глазами. Я сначала ничего не понял... Потом выяснилось, что она торчит. Жест-

ко. И до нашей встреч торчала. Просто скрывала от меня. Я долго боролся, не уходил от нее. Боролся за нас, за нее, за всех вместе. Лечил ее. Но она каждый раз срывалась. В какой-то момент я опустил руки и ушел. Навсегда.

— А потом что? Она вернулась, и бывшие чувства возродились вновь?

— Не совсем так. Просто я до сих пор чувствую ответственность, что бросил ее тогда в таком состоянии. Что не смог помочь. Нет уже никакой любви. Еще и сын. Она херовая мать... Очень херовая.

— Я сочувствую тебе, Андрей. Искренне. Непростая история любви, понимаю. Но хочу напомнить, что ты поступил со мной также, как с тобой когда-то Ольга. Может ты просто мстил? Так надо было ей мстить, а не мне. По итогу, все говно вылилось на меня. Твои измены, угрозы, приказы, избивание человека. Ты хоть понимаешь, что убивал меня каждый раз?

— Я не самый хороший человек. Но я всегда о тебе заботился. И старался уберечь.

— Класс! Только нужно было в первую очередь уберечь меня от себя. Ты — главный вредитель в моей жизни. Лучше бы я никогда в тебя не влюблялась и не выходила замуж.

— Не раскидывайся такими словами... — Андрей рычит.

— Это правда, Андрей. Я жалею, что полюбила тебя. Вы с Ольгой идеально друг другу подходите. Оба больные на голову.

— Но моей женой стала ты, а не она. Это многое значит.

— Это значит лишь то, что ты нашел наивную девочку и решил, что можно будет ей крутить и вертеть, а самому делать все, что хочешь. Увы, все пошло не по плану, да? Ведь я не стала терпеть.

— Нет. Все не так. Но я заебался объяснять тебе.

— Замечательно. Поэтому предлагаю помолчать.

Глава 22.

— Ну что я могу сказать, не все хорошо.

Доктор делает записи в карточке, я поворачиваю голову в сторону Андрея, он злится. Ему не нравится, что тянут время. Я сама начинаю дрожать от страха за малыша.

Чувствую сильную вину перед ним. Андрей ловит мое состояние, берет за руку, крепко сжимая мои холодные пальцы. Мне не нужна его ласка, выдергиваю руку. Он сжимает губы, но молчит

— Можно конкретнее?

— У вашей жены тонус матки.

— И что это значит?

— Низкий уровень прогестерона. Поэтому матка непроизвольно сокращается.

— Блять. Вы можете сказать ребенок в опасности или нет?

— Могу. Есть угроза выкидыша, но сейчас не все критично. Я вижу, как вы заведены. Так вот, вашей жене для начала нужно перестать нервничать.

Закусываю губу. Чувство вины еще больше разрастается внутри. Черт, я так виновата перед малышом.

— Также я пропишу гормоны. И желательно пока понаблюдаться у меня.

— Ок. Я вас понял!

Он еще больше злится, только не понимаю на кого. На ме-

ня? На себя? На ситуацию?

У нас изначально все пошло по одному месту. Вместо того, чтобы заниматься собой, ходить на курсы для будущих мам, наслаждаться этим периодом. Я воюю. С мужем, с внешним миром. И ощущение, что все против меня.

Разве так бывает?

— Вот рецепт, — доктор протягивает бумажку, — И ко мне через недельку на повторный осмотр. А сейчас покой. Хотя...

— Что?

Я уже не сдерживаюсь и выкрикиваю.

— Лучше бы в больнице полежать. Понаблюдаться.

Больниц я патологически боюсь. В детстве лежала с пневмонией почти месяц, и ничего хорошего не помню. Только злых медсестер, болючие уколы, обшарпанные стены.

— Значит малышу все-таки что-то угрожает?

Мой голос дрожит, мне становится очень страшно.

— Девочка, у меня за плечами двадцать лет практики. Я вот такие семьи как ваша вижу не очень часто, но понимаю, что тут происходит. Не уверена, что ваш муж сможет обеспечить вам покой.

Она не боится присутствия Андрея, говорит четко и строго. Почти отчитывает его, не скрывая свою неприязнь.

— На что вы намекаете? — он повышает голос.

— Да я не намекаю, а прямо говорю. Вашей жене с вами некомфортно, и вы явно являетесь источником ее нервного

состояния.

— А вам не кажется, что вы немного охренели?

— Не кажется. Говорю то, что вижу.

Жевалки на лице Андрея уже ходят ходуном. Он на грани срыва. Но сдерживается.

— Я сейчас закрою на это глаза...

— Не нужно мне угрожать! Я и не таких видала. Жену свою пожалейте.

— Вы думаете мне стоит остаться? — я готова закрыть глаза перед своим страхом, лишь бы с малышом все было в порядке.

— В целом, плод стабилен. Если вам дома будет комфортно, вы можете остаться там. Если не уверены, я предоставлю вам палату. Не бойтесь, я помогу.

— Вы че, блять, из меня какого-то уroda морального делаете?

— Ни в коем случае, — спокойно отвечает на выпад Андрея.

— Ева, я обещаю, что дома тебя никто не потревожит. Я завтра уеду в командировку, меня не будет неделю. Ты сможешь спокойно быть дома одна, делать все, что захочешь.

Я вижу, как он нервничает. Ему не нравится, что какая-то посторонняя женщина поставила его на место. А мне приятно, она меня защитила. Я ей благодарна, потому что вижу, как Андрея это задело.

Если он не понимает, что виноват, не слышит меня. То

ему уже посторонние люди на это указывают.

Может хоть так дойдет...

— Тогда постарайтесь дома просто лежать, заниматься любимыми делами, окружить себя вещами, которые нравятся.

— Хорошо, спасибо! Сейчас же точно все хорошо?

— Сейчас пока да.

И вот это ее "пока" никак не прибавляет настроения. Если случится еще хоть какая-то ситуация, которая как-то сможет повлиять на мое состояние, то я могу потерять ребенка. И от этого страшно. Жутко.

Я могла бы винить во всем Андрея. Но нас двое. И мы оба виноваты перед ребенком. Как ни крути.

На улице Андрей курит две сигареты подряд, психует сильно, но не агрессивен в мою сторону. Жду его в машине, включаю печку и грею руки. Хотя они холодные не из-за погоды... Просто страшно. Очень страшно.

— Ев, я могу сегодня уехать, — он подавлен.

— Можешь сегодня...

— Тебе и правда со мной так плохо?

Какой интересный вопрос...

— А ты как думаешь?

— Я уже ничего не думаю.

— Андрей, послушай, ты сделал все возможное, чтобы я перестала тебе доверять. Я местами стала тебя бояться, твоей резкости, выпадов этих. Возможно, тебе тоже тяжело. Вер-

нулась бывшая наркоманка, ты узнал о сыне... И мы могли бы со всем справиться вместе, я была бы рядом. Но ты не пришел ко мне... Ты решил сделать меня грушей для битья. И я бы хотела тебя простить, но не получается.

Он молчит, слушает внимательно. Смотрит сосредоточенно на дорогу. И только его взгляд, потерянный и немного взволнованный, выдает беспокойное состояние.

— Я никогда так никого не любила. И была уверена, что точно буду под твоей защитой. А получилось так, что мне пришлось защищаться от тебя.

— Ев, все не так...

— Нет, Андрей, все именно так. И я хочу, чтобы ты сегодня уехал.

Он поворачивается в мою сторону, всматривается в глаза. Что-то пытается найти внутри, но я решительна. Сейчас мне важен только малыш. И я не смогу быть спокойна, пока Андрей рядом.

— Хорошо, я уеду.

Вау. Прогресс. Меня услышали.

Меня все равно не покидает дурное предчувствие. Я мысленно разговариваю с маленьким, пытаюсь успокоить его. Или себя. Проговариваю, что все будет хорошо.

Андрей пакует вещи в чемодан, мы пересекаемся с ним в коридоре.

— Я на неделю. Но если тебе понадобится больше времени побыть одной, дай знать. Деньги кину на карточку.

— Хорошо.

— Ев, — он тормозит у двери. Уже полностью одетый. Какой-то сам не свой.

Поднимаю глаза на него. Мне грустно, что все происходит именно так. Как-то коряво, не по-человечески.

Еще недавно я в истерике убегала из дома, а сейчас он сам уходит...

— Береги себя, — обхватывает лицо ладонями и целует. Так глубоко и ярко, что мощная волна проносится по телу и подкидывает меня.

Не успеваю опомниться, он отрывается от меня и вылетает пулей из квартиры.

Смотрю на закрытую дверь и не могу найти слов. И что это было?

Как понять его?

Ручка двери снова дергается, заставляя меня встрепенуться.

Он хочет еще что-то сказать?..

— Ну привет! — дверь распахивается, и я теряюсь на секунду.

К горлу подступает паника, не понимаю куда себя деть. Это явно не то, что я ожидала увидеть...

Вообще когда-либо.

— Ольга?

— Я.

— Что ты здесь делаешь?

— А я к тебе. Дождалась пока Андрей уйдет. Караулила вас, голубки.

Отступаю назад. Она заходит в квартиру.

— И что тебе нужно от меня?

— Ты сейчас соберешься и поедешь со мной в больницу к Диме, поняла?

— Зачем?

— Меня не пускают. А ты официальная жена Андрея, — выплевывает с пренебрежением, — Мне нужен мой сын. Тебя пустят.

— Нет, Ольга, я никуда не поеду. Уходи!

— Ты не поняла, маленькая сучка! Я не спрашиваю тебя.

Она стремительно приближается. Я смотрю ей в глаза и вижу то, о чем рассказывал Андрей. Ольга под кайфом. Я не спец в этих делах, но нездоровый бешенный блеск в глазах различить могу.

— Оля, уходи, пожалуйста, — аккуратно отодвигаюсь от нее, делая шаг назад.

— Ты тупая?

Она хватается меня за кофту, встряхивая со всей силы. Разжимаю ее пальцы, но она сильнее меня. Мне становится дико страшно, горло спазмирует. Я теряюсь. Голова кружится.

И все, о чем я думаю — это малыш. Ловлю ртом воздух, чтобы унять панику и страх.

— Вот смотрю на тебя, мышь, и не понимаю. Нахуй ты ему сдалась!

Ольга отпускает мою кофту, отталкивая от себя. Со всей силы. Я спотыкаюсь об пуфик и лечу вниз.

Кричу, задевая угол тумбы животом, и падаю на пол, удравшись со всей силы.

Живот скручивает адской болью. Я начинаю истошно кричать. Мне страшно.

— Ты че орешь, больная?

— Скорую. Вызывай скорую.

Не вижу уже перед собой ничего. Боль нестерпимая.

Нет, нет, нет. Маленький мой. Нет!

Прошу тебя. Только не покидай меня. Малыш. Я люблю тебя.

Глава 23.

POV Андрей.

Спускаю в паркинг, швыряю вещи в багажник, а самого трясет. Мне так херово, что я даже начинаю плохо соображать. До последнего был уверен, что Ева успокоится, отойдет. И все встанет на свои места.

А сейчас все настолько плохо, что хоть волком вой. Чувство тревоги и неминуемой беды захватывает со всей силы.

Я должен сесть в машину и уехать, но не могу. Что-то останавливает.

Придумал, блять, эту командировку. Никуда я не собирался уезжать, просто увидел ее потерянный запуганный взгляд, и что-то щелкнуло внутри. С болью, осознанием. Я ее теряю. И если продолжу так себя вести, она уйдет навсегда. А я не хочу отпускать. Она мне очень нужна.

Мне тяжело определить свои чувства, но я точно знаю, что она мне небезразлична. Никогда не была.

Психую, бью с остервенением по колесам.

Все, нахер. Надо поговорить с ней, только аккуратно, чтобы за время моего отсутствия не накрутила себя.

Взлетаю наверх со скоростью света, все время,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.